
КЭТИ М. ДИ
ТАЙНЫ
ЧЕРНОГО ОМУТА

Кэти Ди

Тайны Черного Омута

«Автор»
2026

Ди К. М.

Тайны Черного Омута / К. М. Ди — «Автор», 2026

Каждую Ночь Ивана Купалы Чёрный омут забирает одну из деревенских девушек.В народе верят, что это Млада — сгинувшая здесь красавица — обратилась в русалку и утягивает невинные души на дно. Скромная Любава всегда держалась подальше от реки, укрываясь в тепле избы. Но в очередную купальскую ночь вода сама находит её. Девушка едва не тонет, но её спасает влюбленный — парень с горячими руками и верным сердцем. Вот только из ледяного омута Любава выносит жуткую находку — разорванные алые бусы.С этой секунды она начинает слышать зов реки. Настоящая русалка ищет не случайных жертв, а правосудия. Связав себя с Любавой через коралловую нить, Млада ведет ее по следу страшной правды. Любаве и Богдану предстоит помочь духу свершить возмездие. Но кто скрывается под маской речного проклятия и какую цену придется заплатить за встречу с истинным чудовищем, живущим среди людей — не знает никто.

© Ди К. М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 11
Глава 4 13
Глава 5 17
Глава 6 19
Глава 7 21
Глава 8 23
Глава 9 26
Глава 10 29
Глава 11 32
Глава 12 35
Глава 13 38
Глава 14 40
Глава 15 43
Глава 16 45
Глава 17 49
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Кэти Ди
Тайны Черного Омута

Глава 1

Узелок на память

Сухие стебли полыни, подвешенные к потолочной балке, едва заметно покачивались от сквозняка. В избе пахло обжитым, мирным теплом: остывающей печью, сушёными ягодами черники и топлёным воском. На Ивана Купалу сумерки ложились на деревню неохотно, увязая в густом сиреневом тумане, выползавшем из низин. За бревенчатыми стенами уже слышался девичий хохот, треск первых костров и далекие, протяжные напевы, от которых у молодых девок сладко замирало сердце.

Шестнадцатилетняя Рада вертелась перед тусклым зеркальцем, топорща пальцами свежесплетенный венок. Жёлтые болотные кувшинки, впряденные между стеблей осоки, казались маленькими солнцами в её тёмных волосах.

— Бабушка, ну посмотри же, ровно ли? Девочки у Черторога уже косы распускают, а я всё в четырёх стенах сижу! — Рада нетерпеливо притопнула босой ногой по гладко выструганной половице.

Старая Любава сидела у окна, держа на коленях веретено. Её пальцы — сухие, покрытые сеточкой тёмных вен, но на удивление лёгкие — мерно скручивали серую овечью шерсть в бесконечную нить. Женщина не подняла взгляда, но прялка на мгновение жалобно скрипнула.

— К Черторогу, говоришь? — голос бабушки прозвучал тихо, словно шуршание сухой листвы под шагами. — Недоброе место выбрала молодежь для игрищ. Стороной его обходить надо. Особенно сегодня.

— Да брось ты, бабуль! — Рада обернулась, всплеснув руками. — Вся деревня туда идёт. Парни костры разожгли, через огонь прыгать будут. Богдан обещал мой венок из воды достать, если течению не унесёт. Русалок твоих бояться — в лес не ходить. Это же просто сказки, чтобы маленьких пугать, будто утянет кто на дно!

Любава медленно отложила веретено. Нить замерла. В избе воцарилась такая глубокая тишина, что стало слышно, как в углу бьётся о стекло запоздалый ночной мотылёк. Старая женщина поднялась, опираясь на клюку, и подошла к внучке. Её ладонь, пахнущая ржаной мукой и чабрецом, легла на плечо девушки. Рука была горячей, но от этого прикосновения Раду почему-то пробрал озноб.

— Сказки, говоришь… — Любава посмотрела внучке прямо в глаза. Взгляд старухи, обычно мутный от старости, сейчас казался пугающе ясным, глубоким, точно озёрная вода перед грозой. — Сказки сказывают для забавы, Рада. А то, что в реке живет — из боли рождено. Из девичьих слёз, которые некому было утереть.

Бабушка подвела внучку к лавке и мягко усадила рядом с собой. За окном на мгновение вспыхнуло далекое зарево купальского костра, и по бревенчатой стене метнулась длинная, кривая тень.

— Послушай меня, — не терпящим возражений тоном произнесла Любава. — Пятьдесят зим назад в этих краях жила девица по имени Млада. Песни пела так, что птицы затихали, а коса у неё была чёрная, точно крыло ворона в ночи, и тянулась до самых пят. На Ивана Купалу пошла она с подружками к реке венки пускать. Да только обратно её избушка так и осталась пустой... Старейшины тогда говорили — оступилась, мол, в омут провалилась, водяной забрал. Но река не берёт живых просто так, внучка. Река прячет то, что люди на земле скрыть пытаются.

Рада притихла. Задорный дух Купалы, рвавшийся наружу, вдруг уступил место липкому любопытству. Она перевела взгляд на венок в своих руках. Намокшие стебли осоки внезапно показались ей слишком холодными.

— И что с ней стало? — шёпотом спросила девочка.

— Настоящая русалка — это не чудище из заморских книжек с рыбьим хвостом, — Любава качнула головой, и её серый повойник зашуршал. — Это дух неприкаянный. У славянской русалки ноги человеческие, да только ступают они по траве, не оставляя следа. Волосы у неё распущены, зеленым илом пахнут, а глаза мёртвые, прозрачные, как лёд по весне. Млада так сильно любила жизнь и своего суженого, что обида чёрная не пустила её душу в Навь, к предкам. Всю свою боль она в месть обратила. И с тех пор каждую купальскую ночь она выходит на берег. Ищет того, кто отнял у неё счастье. Но горе тому, кто окажется у воды один, когда туман застелет камыши…

Старуха замолчала, словно прислушиваясь к звукам снаружи. А Рада, затаив дыхание, ждала продолжения. Бабушка, слегка посмотрев на внучку, продолжила.

Глава 2

Чёрная коса, алая лента

Пятьдесят зим назад земля дышала иначе. Лето в тот год выдалось щедрым, источающим зной и сладкие ароматы наливных трав. Деревня Черноречье утопала в зелени, а над соломенными и тесовыми крышами изб с раннего утра вился густой, аппетитный дым. В каждом доме звенели девичьи голоса, хлопали печные заслонки. Хозяйки пекли праздничные караваи, растирали в деревянных ступах мак, цедили хмельной мед и вытаскивали из погребов укупоренные кувшины с ягодными наливками. Все готовились к великой ночи, когда солнце соединяется с водой, а граница между миром живых и миром духов становится тонкой, словно паутина.

Среди всех дев Черноречья Млада росла особенной. Природа наградила её красотой редкой, приковывающей взгляд. Кожа у неё была белая и чистая, словно лепесток речной лилии, а волосы — чёрные, матовые, точно вороново крыло в безлунную ночь. Тяжёлая коса Млады спускалась ниже талии, и когда девушка распускала её, казалось, будто само ночное небо укутывает её плечи мягким шелком. Голос её, чистый и звонкий, обладал удивительной силой: когда она пела на рассвете, возвращаясь с лесного пастбища, затихали даже самые голосистые птицы.

Любила Млада крепко, преданно, как любят лишь раз в жизни. Её суженым был Яромир — статный, широкоплечий парень, первый помощник кузнеца. От его открытого взгляда и доброй, тёплой улыбки у Млады всегда сладко замирало сердце. Всю весну и начало лета они заглядывались друг на друга, таясь от строгих родительских глаз на окраине безбрежного ржаного поля, где колос уже наливался тяжёлым золотом.

Накануне праздника, когда полуденное солнце лениво катилось к закату, Яромир подстерёг Младу у старой плакучей ивы, склонившей ветви к самой воде. Девушка несла охапку только что срезанного лугового разнотравья для праздничного венка. Парень шагнул из тени деревьев, перегородив ей тропинку. Его ладони, горячие, мозолистые от кузнечного молота, бережно, но крепко сжали её тонкие запястья. На траву полетели стебли зверобоя и ромашек.

— Поймаю твой венок сегодня, Млада, — тихо, но так твёрдо, что у неё перехватило дыхание, пообещал он. — Глаз не сомкну, из воды выловлю, хоть бы река его на самую середину утащила. А как огонь купальский осядет, к твоему отцу в избу пойду. Поклонюсь в ноги, сватов зашлю. В жёны тебя возьму перед всей общиной, и никакой иной судьбы мне не надо.

Млада вспыхнула, опустила длинные ресницы, но рук не отняла. Она лишь теснее прижалась к его широкой груди, вдыхая родной запах железной окалины, дыма и нагретого солнцем ситца рубахи.

— Гляди, Яромир, слов на ветер не бросай, — прошептала она, улыбаясь. — Река в эту ночь шутить не любит. Коль пообещал — держись за своё слово крепче, чем за рукоять молота.

Ближе к сумеркам на песчаном косогоре, у самого обрыва, где русло реки делало крутой изгиб, закипела настоящая работа. Сюда сошлись все деревенские девки. Они расселись кружками прямо на сочной, прохладной траве, рассыпав перед собой охапки цветов. Воздух наполнился густым, одуряющим ароматом полыни, чабреца, папоротника и дикой мяты. Руки девушек так и порхали, переплетая гибкие стебли. Каждое растение вплеталось не просто так, а со смыслом, с тайным заговором на здоровье, красоту и, конечно, на суженого.

— Эй, Млада, чего притихла? — окликнула её разбитная, круглолицая Дарёна, ловко вплетая в свой венок синие головки васильков. — Твой-то Яромир, небось, уже у костра рубаху праздничную оправляет. Гляди, мой братец Микула грозился твой венок первым перехватить!

Девки дружно захихикали, переглядываясь. Млада лишь качнула головой, не отрываясь от работы. Она бережно укладывала стебель к стеблю, выбирая самые сочные кувшинки и болотную осоку. Контраст между её белоснежными пальцами и тёмно-зелёными листьями

казался почти колдовским. Из кармана сарафана она достала узкую, свернутую жгутом ленту из дорогой алой ткани — подарок матери.

— Пусть твой Микула другие венки караулит, — со спокойной улыбкой ответила Млада, протягивая ленту сквозь тугую косу травы. — Мой венок Яромир из тысячи узнает. Видишь эту ленту? Она как кровь горячая, далеко в тумане гореть будет. Я её с самого краю вплету, чтобы на воде узелком завязалась. Да и пускать я его буду не со всеми.

— Это ещё почему? — удивилась Дарёна, откинув за спину русую косу. — Вместе же веселее, песни петь станем, реченьку ублажать.

— Отойду я пониже, к Черному омуту, где камыши гуще, — тихо пояснила Млада, и от её слов по девичьему кругу пролетел лёгкий вздох. — Там течение тише, венок кружить не будет, сразу в руки Яромиру пойдет. А здесь, в общей куче, мужики только переругаются да огни потушат.

— Ой, Млада, не ходила бы ты к Черному омуту в одиночку, — покачала головой старшая из девок, рассудительная замужняя баба по имени Мирослава, сидевшая чуть поодаль с маленьким сыном на руках. — Место там душное, коряжистое. Старики сказывают, водяной там хозяин полноправный, не любит, когда его покой тревожат в такую ночь.

— Не боюсь я водяного, тётка Мирослава, — отмахнулась Млада, затягивая последний узел на алой ленте. — Моя любовь сильнее любого страха.

Тем временем ночь окончательно вступила в свои права, укрыв Черноречье темно-синим бархатным покрывалом. На самом высоком утесе, уходящем круто вниз, мужики и парни наконец подожгли огромные купальские костры. Огромные столбы оранжевого пламени с треском и гулом взвились в потемневшее небо, рассыпая мириады багровых искр, которые таяли в кронах вековых сосен. Запахло дёгтем, паленой соломой, жареным на вертелах мясом и хмельным мёдом.

Молодежь, подхватив друг друга под руки, закружилась в яростных, быстрых хороводах. Барабаны и жалейки выводили дикий, первобытный мотив. Парни с улюлюканьем и криками перелетали через бушующий огонь, соревнуясь в силе и ловкости. Девки, раскрасневшиеся, с горящими глазами и растрёпанными волосами, поддразнивали их, бросая в самое пекло охапки горькой полыни, чтобы отогнать лешаков и русалок. Воздух буквально звенел от заливистого смеха, громких напевов и пьянящего предчувствия чуда. Яромир несколько раз пытался поймать Младу в хороводе, но она лишь ускользала, одаривая его лукавым взглядом из-под ресниц, обещая всё рассказывать позже.

Когда луна поднялась в самый зенит, окрасив выползающий из низин речной туман в призрачный, серебряный цвет, безумное веселье на холме начало стихать. Пришло время главного, священного таинства ночи.

Девушки, внезапно затихнув, потянулись к реке длинной, безмолвной вереницей. Они шли медленно, благоговейно неся перед собой сплетенные венки, точно величайший дар. На берегу они остановились. Млада, как и замышляла, незаметно отделилась от общей толпы. Скользнув тенью мимо прибрежных кустов ракитника, она ушла далеко вниз по течению — туда, где Черный омут дышал сыростью и вековым холодом. Туман здесь был настолько плотным, что скрывал колени.

Одна за другой девицы на главном пляже зажигали маленькие восковые свечи, закрепленные в центре венков, и осторожно, стараясь не поднимать брызг, заходили по колено в прохладную воду. Они опускали свои надежды на зеркальную гладь. Река мгновенно подхватывала плывущие огоньки, унося их вниз по течению. Со стороны казалось, будто ночное небо перевернулось, и сотни звёзд медленно поплыли по чёрной воде.

Млада стояла у камышей Черного омута совершенно одна. Пахло гнилой тиной, болотной сыростью и распускающимися кувшинками. Вода у берега казалась неподвижной, маслянистой. Девушка достала кресало, зажгла свою свечу. Огонёк мягко осветил её бледное, счаст-

ливое лицо и чёрную, как сама ночь, косу. Она опустилась на корточки, собираясь опустить венок с алой лентой в воду, как вдруг за её спиной хрустнула ветка.

Млада вздрогнула и обернулась, думая, что это Яромир пришёл раньше времени.

— Яр, это ты?.. — тихо позвала она.

Из густого тумана, бесшумно раздвигая мокрые ветви ивы, вышла грузная фигура. Млада вгляделась и почувствовала, как внутри неё всё сжалось от внезапного, липкого страха. Это был не её жених.

Прошёл час. Костры на высоком берегу начали заметно оседать, превращаясь в огромные кучи дышащих жаром, багровых углей. Яромир, устав искать Младу среди шумной толпы угасшего хоровода, поспешил к реке. Веселье поутихло, пары с тихим шёпотом расходились по лесной чаще в поисках мифического цветка папоротника. Парню стало не по себе — грудь сдавило душным, тяжелым предчувствием беды. Он пошёл вдоль кромки воды, пробираясь сквозь мокрую от росы, колючую осоку туда, к дальним камышам Черного омута, куда ушла его любимая.

— Млада! — позвал он сначала негромко, не желая пугать ночную тишину и привлекать внимание чужих людей.

Река ответила лишь ленивым шуршанием камышовых стеблей. Туман над водой сгустился настолько, что стал плотным и белым, как парное молоко, скрывая противоположный берег.

— Млада! Отзовись! Хватит таиться, праздник кончился! — крикнул Яромир громче, и его сильный голос сорвался на тревожный, испуганный фальцет.

Он шёл вперёд, едва ли не по пояс проваливаясь в береговую жижу, и напряженно вглядывался в молочно-белую гладь реки, пока глаза не зарезало от напряжения. Вокруг стояла мёртвая, неестественная тишина. Вдруг туман на середине реки на мгновение колыхнулся и разошёлся, словно чья-то невидимая, бледная рука раздвинула тяжёлый занавес далеко от берега, на самой глубине омута. Там, среди темных, едва колышущихся волн, Яромир отчетливо увидел очертания человеческого тела. Распущенные черные волосы широким пятном расплывались по воде вокруг пугающе бледного лица. Какое-то мгновение ему показалось, что Млада смотрит прямо на него своими прозрачными глазами.

— Млада!!! — дикий, нечеловеческий крик вырвался из самой глубины груди кузнеца.

Не помня себя от ужаса, он сорвался с песчаного обрыва, ломая кусты и сдирая кожу на руках. Тяжёлые сапоги глубоко увязли в береговом иле, но Яромир даже не заметил этого, с ходу бросаясь в ледяную воду. Сырой холод Черного омута мгновенно обжег его разгоряченное тело, в лёгкие ударил резкий запах болотной гнили и сорванных кувшинок. Парень отчаянно, изо всех сил забил руками по воде, плывя туда, где только что виделась ему любимая. Вода казалась тяжелой, густой, словно невидимые путы держали его за ноги, утягивая вниз и не пуская вперед.

— Млада, держись! Я здесь! Я спасу! — хрипел он, захлебываясь горькой речной водой.

Он доплыл до того самого места на середине омута, где туман только что расступался. Но вокруг была лишь пустота. Вода качалась равнодушно и гладко. Яромир набрал в лёгкие побольше воздуха и нырнул в чёрную, непроглядную глубину. Он шарил руками вслепую, цепляясь за скользкие, длинные стебли водорослей, похожие на мёртвые пальцы, погружался до самого дна, хватая ил. Никого.

Он выныривал, тяжело и шумно дыша, снова кричал, сходя с ума от надвигающегося безумия, и снова уходил под воду, пока в глазах не заплясали кровавые круги. Река упорно молчала, надежно скрывая свою страшную добычу.

Когда он, полностью обессиленный, закоченевший от холода и бледный как смерть, в очередной раз поднялся на поверхность, туман снова сомкнулся вокруг него плотной стеной. И лишь чуть поодаль, лениво покачиваясь на мелких волнах, медленно уплывал в темноту

одинокий девичий венок. Свеча в нём уже давно погасла, но в ночной темени, под бледным лучом луны, отчетливо виднелась мокрая алая лента, вплетенная между увядающих, пахнущих тиной кувшинок. Она тянулась по воде вслед за венком, словно тонкий след пролитой крови.

Глава 3

Тень над Черноречьем

После той страшной купальской ночи,когда река поглотила Младу, Черноречье словно подменили. Прежняя безмятежность улетучилась. Первое время Яромир ещё бродил по берегу, бледный, с запавшими глазами, безумно вглядываясь в речную гладь. Он порывался уйти в лесное отшельничество, но тоска иссушила его быстрее, чем пришла осень, и к зиме парень покинул деревню, уйдя на дальние прииски, подальше от Чёрного омута, разбившего его жизнь.

Деревня пыталась жить дальше. Женщины по-прежнему пекли хлеб, мужчины пахали землю, но стоило солнцу коснуться верхушек сосен, как ворота запирались на тяжёлые засовы.

Прошёл год. Страх немного притупился, ведь человеческая память устроена так, что стремится поскорее забыть дурное. Снова наступило лето. На Ивана Купалу старейшины строго-настрого запретили девкам ходить к Черному омуту, да и костры разожгли на другом конце деревни, у полей. Но наутро Черноречье содрогнулось от нового страшного известия.

Из своей постели исчезла шестнадцатилетняя Алёна, дочь мельника. Окна избы были распахнуты, на подоконнике осталась лишь веточка мокрой речной осоки, а сама девица словно растворилась в предрассветном тумане.

Её искали три дня. Вся община прочесывала камыши и прибрежные леса. Мужики заходили в воду с длинными шестами, но река оставалась тихой и пустой. Во главе поисковых отрядов неизменно шёл сам староста — Ратибор. Он, казалось, переживал семейную трагедию мельника как свою собственную. Его зычный голос разносился над рекой, отдавая приказы, а на широком лице лежала печать глубокой скорби.

На четвёртый день, когда измученные люди собрались на площади у ратуши, Ратибор вышел к общине. На нём была строгая тёмная кафтан-рубаха, подпоясанная широким кожаным ремнем. Он тяжело оперся о деревянные перила крыльца и обвёл толпу суровым взглядом.

— Не нашли, православные, — хмуро уронил староста, и среди баб пронесся горький, надрывный плач. — Все камыши до Чёрного омута баграми исходили. На дне только ил да коряги.

— Да как же так, Ратибор Степанович?! — закричал обезумевший от горя мельник, разрывая на груди холщовую рубаху. — Человек ведь не иголка! Зверь ли подрал, разбойники ли из лесов Чёрного бора нагрянули? Вон, на прошлой неделе сказывали, видели у брода чужих людей на конях!

Ратибор медленно покачал головой, и в его густой бороде мелькнула горькая усмешка. Он поднял правую руку, призывая к тишине. На его большом пальце тускло блеснул тяжёлый золотой перстень с багровым, будто запекшаяся кровь, камнем.

— Разбойники, говоришь, Потап? — голос старосты звучал весомо, успокаивающе, как рокот далекого грома. — Коли бы разбойники, так они бы амбары твои вскрыли, коней увели, добро прихватили. А тут — ни следа подкованного копыта, ни сломанной ветки у забора. Зверь? Лесной хозяин тело бы в чащу уволок, кровь бы осталась. А у тебя в избе чисто, только вода речная на полу подсохла.

В толпе испуганно охнули. Бабы начали креститься и шептаться, прижимая к себе испуганных детей.

— Млада это… — раздался из задних рядов дрожащий старушечий голос. — Неупокоенная душа её из омута выходит. Завидует чужому счастью, вот и утягивает девок к себе, в подводные дебри! Нам волхвы сказывали, что коли девица на Купалу сгинет без покаяния, она русалкой оборачивается!

Ратибор тяжело вздохнул, прикрыв на мгновение глаза, словно эта мысль причиняла ему физическую боль.

— Грех это, матушка, на духов всё валить, да только против правды не попрешь, — тихо, но так, чтобы слышал каждый, произнес староста. — Сами знаете, Чёрный омут — место гиблое, дедовскими проклятиями окутанное. Видно, Млада обиду на весь наш род держит, что Яромир её спасти не успел. Отныне наказываю строго: к реке в купальскую ночь — ни ногой. Кто ослушается — самолично розгами на площади накажу. Не для себя прошу, ради дочерей ваших!

Слова старосты легли на душу крестьян тяжёлым камнем.

Шли годы. Два, три, пять лет… История повторялась с жуткой, неизбежной точностью. Каждую Ночь Ивана Купалы река забирала свою страшную дань. Девушки пропадали без шума, без криков, не оставляя после себя ничего, кроме мокрых следов или увядшего венка на воде. Жители Черноречья окончательно смирились со своей горькой участью, считая это проклятием, от которого нет спасения.

Глава 4

Молчальница у тихой воды

Со дня исчезновения Млады, первой жертвы Чёрного омута, утекло уже долгих семь лет. За это время страх, сковавший Черноречье, успел подернуться пеплом забвения. Жизнь брала своё: последние два года река оставалась спокойной, ни одна девица больше не сгинула в её туманных сырых объятиях. В деревне облегчённо вздыхали и шептались на завалинках, дескать, русалка наконец наелась чужой бедой, забрала своё и утихомирилась. Старики качали головами, передавая из уст в уст новые слухи: кузнец Яромир, так и не сжившийся со своим горем на дальних приисках, тяжело занемог от тоски и умер прошлой зимой. Люди верили, что их разлученные души наконец встретились в запредельной Нави, а коли так, то и мёртвая дева больше не станет губить безвинные живые души.

Черноречье снова с размахом, без прежней оглядки на омуты, готовилось к Ночи Ивана Купалы. Девки сушили травы, парни ладили бревна для костров, и пред праздничный дух кружил головы всей молодежи.

Всей, кроме Любавы.

В то лето ей исполнилось семнадцать — возраст, когда по славянским меркам девице пора было заплетать косу с лентами посватавшихся парней и задумываться о собственном семейном очаге. И природа не поскупилась, наделяя Любаву красотой, от которой у деревенских парней перехватывало дыхание. Из хрупкого замкнутого ребёнка она расцвела так, что затмевала первых красавиц Черноречья. Кожа у неё была нежная, чистая, точно первый весенний снег, едва тронутый тёплым солнцем. На бледном точеном лице особенно ярко выделялись огромные, полные глубокой затаенной грусти глаза цвета спелого ореха. Длинные густые волосы оттенка темного мёда мягкими волнами спускались по плечам, и в них Любава любила вплетать мелкие белые лесные цветы. Тонкий стан, изящные руки, скромная, чуть робкая походка — она казалась сошедшей со старинных икон девой. Носили бы её на руках, если бы не одно «но».

Любава была молчальницей.

Она почти ни с кем не разговаривала, сторонилась шумных сборищ и девичьих хороводных кругов. В то время как её сверстницы хохотали у колодца и примеряли расшитые сарафаны, Любава могла часами сидеть неподвижно, уставившись в одну точку, словно прислушиваясь к шепоту, который никто, кроме неё, не слышал. За эту отрешенность в деревне её считали странной, блаженной, а иные завистливые языки и вовсе шептали в спину обидное: «Лешаково отродье».

Отец Любавы, крепкий плотник сурового нрава, и матушка, хлопотливая, уставшая от домашних забот женщина, сочетали в себе гордость за невиданную красоту дочери и глубокий, грызущий страх за её будущее.

В тот предкупальский полдень в избе пахло свежевыпеченным, пышущим жаром ржаным хлебом. Матушка только-только достала из печи румяный каравай, укрыв его чистым полотенцем, чтобы дошёл. Любава сидела у окна, аккуратно расправляя подол белой холщовой рубахи, украшенной сложной багряной вышивкой — оберегными узорами, которые мать упрямо выводила на ткани ради защиты дочери от дурного глаза.

— Опять сидишь, ровно деревянная? — матушка тяжело вздохнула, вытирая загорелые руки о передник и садясь на лавку напротив. — Слышишь, девки на улице поют, венки плести собираются? А ты хоть бы словом обмолвилась, хоть бы сарафан праздничный достала. Семнадцать зим тебе, Любава! Года-то идут, не успеешь оглянуться, как в старых девах останешься. Мужики на тебя смотрят, заглядываются, да подступиться боятся — ровно к покойнице ледяной.

Любава медленно подняла свои тёмные глаза на мать, но промолчала, лишь крепче сжала пальцами край вышитого рукава.

— Что ты молчишь всё, язык откусила? — в избу вошёл отец, неся охапку свежеструганных сосновых досок. Пахло смолой и мужским потом. Он сгрузил ношу у печи и строго посмотрел на дочь. — Слышал я, Любава, опять ты вчера к Чёрному омуту ходила. Сколько раз говорено: не смей шаг делать к той воде! Хоть два года река и спит, а береженого Бог бережет. Неровен час, проснётся водяная нечисть, кто тебя спасать станет?

— Там тихо, батюшка, — едва слышно, робким шелестом отозвалась Любава. Голос у неё был мягкий, певучий, но пользовалась она им так редко, что родителям показалось, будто изба на мгновение замерла. — Там людей нет. Никто не смеется, пальцем не тычет. Река... она не судит. Она просто слушает.

— Река её слушает! — всплеснула руками мать, и на глазах у неё показались слёзы. — Да река утянет и не поморщится! Ты о нас подумай, об отце, о матери. Нам каково смотреть, как девка родная от мира живых закрывается? На Ивана Купалу пойдешь со всеми, и точка! Венок сплетешь, к костру выйдешь.

Любава ничего не ответила. Она поднялась с лавки, скользнула мимо разгневанного отца и тихо выбежала из избы. Солнечный свет ослепил её, жаркий ветер донес до неё запахи цветущих лугов, но ноги сами, привычно и уверенно, понесли её прочь от деревенских улиц. Туда, где среди высоких камышей и склоненных ив несла свои темные, прохладные воды старая река. Только там, у Чёрного омута, в полном одиночестве, Любава находила истинный покой.

Любава сидела на старом, полусгнившем деревянном мосточке, сиротливо лепившемся к берегу Чёрного омута. Солнце пекло макушку, но здесь, у самой кромки, веяло могильной прохладой. Девушка подогнула подол рубахи и окунула бледные босые ноги в тёмную, пугающе тяжелую гладь реки. Вода обволакивала щиколотки ледяным шёлком. Только тут, в глуши, где камыши стояли стеной, Любава дышала полной грудью.

Вдруг за спиной, в густых зарослях ракитника, оглушительно хрустнула сухая ветка и зашуршала осока.

Любава вздрогнула всем телом. Сердце испуганной птицей забилось в горле. Словно дикая косуля, она мгновенно подскочила на ноги, едва не поскользнувшись на мокрых досках, и резко обернулась, готовая броситься наутёк. Сжав кулаки, она настороженно оглядела прибрежные кусты.

Трава раздвинулась, и из зелёной чащи, неловко переминаясь с ноги на ногу и отводя взгляд, вышел Богдан. На нём была праздничная, угольно-черная рубаха, расшитая по вороту и рукавам сложным багряным узором, плотно перехваченная на поясе широким тканым кушаком с тяжёлыми кистями. Тёмные кудри парня были растрепаны, густые брови чуть сошлись на переносице от смущения. Он выглядел статным, сильным, но сейчас, под испуганным взглядом Любавы, робел точно мальчишка.

— Прости, Любава... Не хотел я тебя напугать, видит Бог, не хотел, — Богдан виновато улыбнулся, запустив пятерню в свои волосы. — Увидел издалека, как ты одна к Чёрному омуту тропкой пошла, ну и... потянуло меня следом. Проверить хотел, все ли с тобой ладно. Время-то предкупальское, недоброе. У воды одной девице стоять небезопасно, сама знаешь.

Любава замерла, не опуская подола рубахи, и продолжала смотреть на него с глубокой, испуганной настороженностью.

Богдан был первым парнем на деревне. Любая девка в Черноречье — от круглолицей Дарены до дочерей богатых зажиточных мужиков — мечтала, чтобы он обратил на неё внимание. Ему уже исполнилось девятнадцать, возраст, когда деревенские парни вовсю нянчили первенцев, а Богдан всё ходил в холостяках, напрочь игнорируя хороводы и лукавые девичьи взгляды. Старшие мужики ворчали, матери вздыхали, а он будто ждал чего-то. Точнее — кого-то.

Парень аккуратно, стараясь не делать резких движений, сделал несколько шагов по мосткам и поравнялся с девушкой. Он остановился рядом, плечом к плечу, и уставился на воду. Река была тихой, сонной, лишь легкий полуденный ветерок едва заметно гнал по глади мелкую зыбь, а в вышине мирно пели лесные птицы.

— Удивительно... — негромко проговорил Богдан, качнув головой. — Средь бела дня, под самым солнцем, а гладь у неё всё равно чёрная, точно деготь. А ведь деды сказывали, Любава, что когда-то давно, ещё до Млады, вода в Черноречье прозрачной была, как слеза. Камешки на дне сосчитать можно было.

Любава ничего не ответила. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, Богдан слышит этот стук. Она низко опустила голову, уставившись на свои мокрые пальцы ног, и судорожно, до белизны в суставах, сжала пальцами плотную холщовую ткань сарафана у юбки.

— Пойдешь сегодня к костру, Любава? — тихо, с надеждой в голосе спросил он, поворачивая к ней свое красивое, резко очерченное лицо. — Венок плести станешь ли со всеми?

Девушка упрямо молчала. Набрала в рот воды, как всегда. Но в этот раз она молчала не из-за своей странности и не потому, что не хотела говорить со статным кузнецом. Горло сдавила девичья робость. Ей было до безумия страшно, что кто-нибудь увидит их здесь вдвоём. Если деревенские девки узнают, что молчальница, которую они считают блаженной, стоит рядом с первым красавцем деревни, они возненавидят её ещё сильнее, станут заплевывать след и шептаться за спиной.

Богдан, видя её терзания, вдруг шумно выдохнул и сделал то, чего не позволял себе ни один парень в Черноречье до сватовства. Он нарушил все неписаные правила — протянул руки и бережно, но крепко перехватил её холодные, дрожащие ладони в свои горячие, пахнущие костром и железом.

Любава вздрогнула, словно от удара током. Она замерла, боясь даже вздохнуть, и вскинула на него огромные, полные недоумения и дикого испуга глаза.

— Сплети венок, Любава, — заговорил Богдан, и его обычно уверенный голос сделался хриплым, затаенным, полным обжигающей нежности. — Сплети и принеси к реке. Я поймаю его, клянусь тебе всеми богами. Из воды выловлю, сквозь любой туман найду. Невестой своей тебя сделаю. На самом рассвете, как солнце из-за леса покажется, приду к твоему отцу в избу, в ноги поклонюсь. К большому костру, где все гуляют, можешь не ходить, коли дичишься. Просто отпусти его в воду ниже по течению... Только ленту свою вплети, чтобы я узнал.

Он медленно, почти благоговейно протянул руку и коснулся пальцами длинной алой ленты, вплетенной в её медовую косу. От этого прикосновения и от рокота его голоса по телу Любавы крупной волной пробежали мурашки.

В голове у неё все смешалось.

«Почему именно она? — кричал её собственный разум. — Почему он хочет забрать именно её венок? Они ведь никогда не гуляли вместе, не перемолвились и парой слов за всю жизнь. Пожалел? Из жалости решил взять в жены чудную молчальницу, чтобы спасти от родительского гнева и одиночества?»

— Нравишься ты мне, Любава, — будто прочитав её горькие мысли, горячо отозвался Богдан, сжимая её ладони чуть сильнее. — Давно уже нравишься, сил моих больше нет таиться. Только тебя на всех праздниках глазами ищу. На других девок и не смотрю вовсе, не милы они мне. Ты одна в моём сердце.

Любава не успела даже осмыслить эти слова, как Богдан окончательно преодолел все запреты. Он подался вперёд, на мгновение коснулся горячими губами её бледной, вспыхнувшей румянцем щеки, а затем резко отпрянул, развернулся и быстро побежал прочь по тропинке, скрываясь в высокой траве.

Девушка осталась стоять на мостках, едва ли не задыхаясь от нахлынувшего волнения. Грудную клетку распирало от бешеного стука сердца. Она ошеломленно смотрела на примятую

траву, где только что исчез его широкий силуэт, а затем медленно поднесла дрожащую ладонь к щеке. Кожа в месте поцелуя горела так, словно к ней приложили купальский уголёк.

Любава густо, до самых ушей покраснела от смущения, и впервые за долгие годы на её губах появилась слабая, чистая и невероятно красивая улыбка. Сердце пело.

«Нравится... Я ему нравлюсь»,— крутилось в ее мыслях. А внутри рождалось ответное, пугающее своей силой чувство — ведь Богдан и ей самой тайно нравился так сильно, что дышать становилось трудно, стоило ему пройти мимо по деревенской улице.

Она так и стояла у воды, упиваясь своей маленькой тайной, и не видела, что с противоположного берега, из густого, тёмного сплетения ракитовых кустов, за ней пристально наблюдают чужие глаза.

Взгляд этот был тяжёлым, липким, полным животной, яростной злобы. Фигура, затаившейся в тени, сожрала глазами фигуру Любавы, а затем перевёл взгляд на тропинку, по которой убежал Богдан. В его душе вскипела чёрная, ядовитая зависть. Этот хищник привык получать всё, что хотел, и делить молодую молчальницу с безродным кузнецом он не собирался.

«Ишь чего удумал... — пронеслось в его воспаленном мозгу. — Себе заберу. Моей будешь, Любава. Никуда не денешься...»

Кусты тихо сомкнулись, пряча зловещую тень, и бесшумно растворилась в лесной глуши.

Глава 5

Алые бусы Чёрного омута

До самого вечера Любава ходила сама не своя. Слова Богдана, жар его ладоней и обжигающий поцелуй в щёку перевернули всё в её душе. Она закрылась в избушке, распустила медовую косу, позволяя волосам мягкими волнами рассыпаться по плечам, и принялась за работу. Пальцы быстро, но бережно переплетали стебли полыни, зверобоя и речных лилий. В самый центр, как и просил Богдан, она аккуратно вплела свою приметную алую ленту, завязав её крепким двойным узлом.

Весь день она не видела кузнеца, и в её сердце начали подкрадываться тревожные, колющие мысли.

«А вдруг не поймает? Вдруг туман окажется слишком густым, и венок просто утянет на дно? Или какая-нибудь другая девка признает и тоже вплетет в свои травы красную ленту, чтобы завлечь первого парня?»

Матушка, заметив, как дочь сосредоточенно и бережно выводит узелок за узелком, всплеснула руками и сердито заворчала:

— Опять за своё, молчальница? Весь день над этой травой чахнешь, ровно приворотное зелье варишь. Не к добру это, Любава, ох не к добру! Сердце моё чует беду.

Девушка ничего не ответила. Она лишь ниже опустила голову, пряча вспыхнувшие щёки, и упрямо продолжила своё дело.

Ночь Ивана Купалы опустилась на Черноречье огненным, безумным заревом. На высоком холме с треском и гулом полыхали огромные костры, озаряя багровым светом пляшущих, смеющихся людей. Звенели жалейки, грохотали бубны, хмельной мёд лился рекой. Молодежь, позабыв про былые страхи, кружилась в неистовых хороводах.

Любава стояла чуть в стороне от общего веселья, прижимая к груди свой венок. Ночной ветер трепал её длинные медовые волосы, бросая пряди на бледное лицо. Многие девки и бабы поглядывали на неё косо, шепчась за спинами. Зато парни, завидев в руках молчальницы венок, уже вовсю переглядывались и расправляли плечи, готовясь первыми броситься в воду. Многим в деревне очень даже нравилась её нелюдимость. Мужики постарше поговаривали, что с такой женой проблем в жизни не будет: красивая, статная, да ещё и молчит — золото, а не баба! Не то что иные круглолицые хохотушки, которые со временем так занимали своего мужика, что после свадьбы пилили его и колотили скалкой так, что мама не горюй.

Богдан весь вечер крутился неподалеку от Любавы. Он не подходил открыто, но его горячий, неотступный взгляд оберегал её сквозь толпу. Деревенским девкам это страшно не нравилось. Маркуша с подружками, сбившись в кучку, злобно шипели:

— И что он в этой блаженной нашёл? Ни слова из неё не вытянешь, ровно из бревна. Подговорим парней, девки, давайте утопим её венок, как только она его в воду опустит! Пусть знает своё место.

Но Любава не была глупой. Она видела эти злые взгляды и шепотки. Когда хоровод закружился с новой силой, отвлекая толпу, Богдан на мгновение оказался совсем рядом с ней. Девушка поймала его взгляд и, прежде чем сбежать с шумного кострища, едва слышно, но твердо шепнула:

— Ищи мой венок в омуте, Богдан…

Она развернулась и быстрой тенью скользнула в темноту, направляясь к Чёрному омуту.

У реки царила леденящая тишина. Пахло сырой тиной, мокрой осокой и болотным холодом. Туман стелелся по воде плотным белым саваном. Любава вышла на старый мосточек, опустилась на колени и осторожно положила венок на маслянистую чёрную гладь.

Вдруг за её спиной, в густых прибрежных кустах, раздался тяжелый, отчетливый шорох. Девушка резко обернулась и в кромешной темноте наткнулась на чужие, липкие, полные животной ярости глаза, смотревшие на неё из чащи.

От дикого испуга Любава вскрикнула, сердце ушло в пятки. Пытаясь отпрянуть, она оступилась на скользких, подгнивших досках и с головой рухнула прямо в ледяную пасть Чёрного омута. Вода мгновенно сковала легкие, потянула вниз. От поднявшихся волн её венок отбросило в сторону, и он застрял в прибрежных корягах и ракитовых ветках.

Богдан в это время уже шёл по тропинке вслед за ней. Понимая, что Любава ушла слишком давно, он не на шутку встревожился. В груди ворочался тёмный страх перед русалочьим проклятием, о котором твердила вся деревня. Выйдя к омуту, он не увидел девушки на мостках, но услышал тяжелый всплеск и глухой хрип.

— Любава! — рявкнул кузнец и, не раздумывая, прямо в сапогах и праздничной рубахе бросился в ледяную воду.

Он плыл яростно, рассекая тяжелые волны. Нырнув в зеленую черную бездну, Богдан нащупал под водой хрупкое тело девушки, которая уже теряла сознание. Он крепко обхватил её за талию и рванул вверх, к воздуху. В этот самый момент, уходя со дна, Любава в полузабытьи судорожно скребла пальцами по илистому дну. Её рука наткнулась на что-то твердое, и она вцепилась в находку, выныривая вместе с Богданом на поверхность.

Кузнец вытащил дрожащую, захлебывающуюся девушку на песчаный берег. Он усадил её, тяжело дыша, и крепко прижал к своей широкой, горячей груди, пытаясь согреть. Любава судорожно глотала воздух, а в её кулаке были зажаты старые, покрытые речным илом, но пугающе алые коралловые бусы. От них исходил мертвенный, леденящий холод, который тут же тонкой нитью связал душу Любавы с неупокоенной Младой.

Богдан посмотрел на чёрную, неспокойную воду омута, которая словно недовольно урчала, упустив добычу. В его глазах горела яростная, непреклонная сила. Он сильнее сжал плечи Любавы и с вызовом прорычал прямо в водную гладь:

— Я тебя так сильно люблю, слышишь?! У самой русалки из лап украду, а тебя не отдам! Не бывать этому! Не заберешь ты ее, не губи жизнь другой, покуда твоя собственная загублена!

Он повернулся к Любаве, перехватил её лицо ладонями и отчаянно, с головой уходя в это живое, спасительное чувство, поцеловал её в мокрые, дрожащие губы.

— Моей будешь, Любава. Слышишь? Моей, — горячо шептал он, обнимая её так крепко, словно хотел закрыть собой от всего мира.

Чуть придя в себя, Богдан обвёл взглядом темный берег и заметил в кустах ракитника застрявший венок с яркой алой лентой. Он бережно опустил Любаву на сухой песок, поднялся и снова твёрдо шагнул в прохладную воду реки, чтобы забрать то, что по праву купальной ночи теперь принадлежало только ему.

Глава 6

Горячая клятва на мокром пороге

До самой избы Богдан нёс Любаву на руках, бережно прижимая к своей широкой груди, словно величайшую ценность. Её мокрая холщовая рубаха облепила тело, волосы длинными сырыми прядями свисали до самой земли, оставляя за ними след из тяжелых капель на пыльной прибрежной тропе. Девушку всё ещё била крупная, непрекращающаяся дрожь, но не столько от леденящей речной воды, сколько от судорожно зажатых в кулаке коралловых бус. Они жгли ладонь мертвенным, потусторонним стужами.

Когда Богдан с пинка распахнул тяжёлую дубовую дверь, родители Любавы вскочили с лавок. В избе всё ещё густо пахло печёным ржаным хлебом, но праздничный уют мгновенно рассеялся. Матушка всплеснула руками, на глазах у неё тут же вскипели слёзы, а отец, растеряв всю свою суровость, бросился навстречу.

— Батюшки светы! Любавушка! — запричитала мать, хватаясь за голову. — Мокрая вся, в иле… Богдан, сынок, неужто из омута вытащил? Спаситель ты наш, век за тебя молиться будем, до гробовой доски не забудем!

Парень аккуратно опустил девушку на лавку у теплой печи, но рук сразу не отпустил, укутывая её плечи сухим шерстяным платком, который тут же подала трясущаяся матушка.

— Из Чёрного омута, тетка Дарья, — тяжело дыша, ответил Богдан. Его праздничная черная рубаха потемнела от воды, а с сапог на чисто вымытый пол стекали грязные ручейки. — Едва успел. Вода уже затягивать её стала.

— Говорила же я тебе! — матушка, не выдержав, замахнулась на дочь полотенцем, но тут же обняла её за мокрые плечи, заливаясь слезами. — Предупреждали ведь! Зачем опять туда понеслась, упрямая твоя голова? Чуть девку не сгубили, чуть сиротами нас при живой дочери не оставила! Русалка ведь там беснуется, голодная ходит!

Любава, сидевшая ни жива ни мертва, медленно подняла голову. Её ореховые глаза казались огромными на бледном, осунувшемся лице. Она судорожно глотнула воздух, и сквозь сковавший горло спазм выдавила едва слышный, сиплый шепот:

— Там… кто-то был…

Матушка замерла, утирая слёзы рукавом, а отец нахмурился, делая шаг вперёд.

— Конечно был, дочка, — угрюмо отозвался отец, качнув головой. — Русалочье это проклятие, Млада неприкаянная в тумане кружит, мстит живым. Сколько лет об этом твердим!

— Нет… — Любава упрямо мотнула головой, и пара сорвавшихся с волос речных капель упала на раскаленные кирпичи печи, зашипев. — Не в воде. На берегу. Мужчина это был… Человек. Из зарослей шёл. Смотрел на меня. Из-за него оступилась.

В избе на мгновение воцарилась такая звенящая, душная тишина, что стало слышно, как трещит догорающая лучина. Родители переглянулись с явным испугом: в купальскую ночь встретить чужака у Чёрного омута считалось знамением почище речного духа.

Но Богдан не стал ждать, пока Любава продолжит рассказ. В его груди все ещё бурлила отчаянная, горячая волна — та самая, что заставила его бросить вызов самой русалке. Он решительно шагнул к отцу Любавы и протянул вперёд руку. На его широкой, мозолистой ладони лежал мокрый, пахнущий кувшинками венок с яркой, багряной алой лентой.

— Не время сейчас для пустых страхов, дядька Степан, — твёрдо, без тени сомнения проговорил кузнец, глядя плотнику прямо в глаза. — Венок Любавы я из воды выловил. Перед рекой и перед небом свидетелем стал. Забираю я её в жёны.

Матушка аж ахнула, прижав ладони к губам, и во все глаза уставилась на парня.

— Батюшки… Да как же так? Вот так сразу, с порога? — запричитала она, всплескивая руками. — Мокрые оба, в иле, чумазые, посреди ночи купальской! Не дело это, Богданушка, ох не дело! Кто ж так сватается? Ни сватов не заслал, ни родителям твоим не ведомо…

Однако отец Любавы прикрикнул на жену, призывая к порядку, и подошёл к парню вплотную. Строгий, повидавший виды плотник долго всматривался в лицо молодого кузнеца, словно пытался прочесть его истинные мысли.

— Смелое слово, Богдан, — медленно произнес Степан. — Но уверен ли ты в своём выборе? Дочка у меня, сам знаешь, особенная. Молчит вечно, дичится людей, в хороводах не кружится. С ней тяжело в хозяйстве будет, община на неё косо смотрит. Потянешь ли такую ношу?

Вместо ответа Богдан повернулся к Любаве. Прямо при её родителях, нарушая все чинные обычаи, он опустился перед ней на одно колено, взял ее свободную, леденящую руку в свои горячие ладони и крепко сжал. В его взгляде было столько нежности и непреклонной силы, что у Любавы перехватило дыхание.

— Люблю я её, дядька Степан. Давно уже люблю, — глухо, из самой глубины сердца отозвался Богдан. — Давно сердце по ней мается, извелся весь, да ждал только, пока созреет, пока время придёт. Душа у меня болит, когда её рядом нет. Оберегать её буду пуще глаза своего. Никогда в обиду не дам — ни людям, ни нечисти речной. И никому другому прикоснуться к ней не позволю, пока дышу.

Любава смотрела на него, и внутри неё, растапливая могильный холод коралловых бус, разливалось удивительное, спасительное тепло. Она сильнее сжала его пальцы, впервые в жизни чувствуя себя в полной, абсолютной безопасности.

Отец Любавы посмотрел на их сцепленные руки и довольно, одобрительно кивнул. На его суровом лице впервые за вечер промелькнула тень уважения.

— Хорошо сказано. По-мужски, — одобрил плотник, хлопнув Богдана по плечу. — Приходи завтра на рассвете, как солнце из-за леса покажется. На всю деревню, перед старейшинами клятву дашь, коль уверен в своём слове. По-нашему, по закону всё сделаем.

— Уверен, — твёрдо отозвался Богдан.

Он поднялся, нежно улыбнулся Любаве, отчего её щёки снова опалило густым девичьим румянцем, а затем низко, в пояс поклонился её родителям.

— Доброй ночи вам. Ждите на рассвете.

Дверь за ним захлопнулась, унося с собой запах кузнечного дыма и тепла. В избе снова стало тихо, но это была уже другая тишина — лёгкая, предвещающая новую жизнь. Матушка подбежала к Любаве, крепко прижала её к себе, невзирая на мокрую ночнушку, прилипшую к телу речную грязь и запах тины. Она целовала дочь в макушку и плакала теперь уже от облегчения.

— Бог смиловался… — шептала старуха, качаясь из стороны в сторону, словно баюкая младенца. — Смиловался над нами Господь, Любавушка! Такого парня тебе послал… Первого на деревне. Защитит он тебя, укроет от всех бед. Смиловался…

Любава уткнулась носом в теплое мамино плечо, а свободная рука её, спрятанная под платком, все сильнее сжимала алые кораллы.

Глава 7

Клятва на площади и яд старосты

Утро после купальской ночи выдалось ясным, но прохладным. Плотный речной туман долго не хотел уходить с низин, цепляясь клочьями за ракитовые кусты у Чёрного омута. Любава проснулась ни свет ни заря. Всю ночь, стоило ей сомкнуть веки, её терзали липкие, удушливые кошмары. Ей чудился далёкий девичий плач, шуршание камыша под лавкой и тихий, настойчивый шёпот, доносившийся будто из самой глубины половиц. Невидимый голос звал её по имени, умолял вернуться к воде и просил надеть бусы.

Девушка поднялась с постели с тяжёлой головой. Разум её противился, но руки словно жили своей волей. Достав из-под подушки леденящие кораллы, Любава подошла к кадушке, тщательно отмыла их от речного ила и болотной тины. В чистой воде кораллы вспыхнули ярким, кроваво-алым цветом. Любава сама не понимала, зачем подчиняется чужому зову, но аккуратно надела ожерелье на шею, спрятав его глубоко под ворот холщовой рубахи. Камни тут же обожгли кожу могильной стужей, но странно — дрожь улеглась, уступив место пугающему спокойствию.

Матушка, сияя от счастья, крутилась вокруг дочери, заплетая ей густую медовую косу.

— Ну-ка, выпрямись, Любавушка, — ласково приговаривала она, вплетая светлую ленту. — Сегодня великий день, Богдан придёт, как полагается. Вся деревня смотреть станет. Ты, главное, не дичись, дочка. Улыбайся, на людей поглядывай. Пусть видят, какая у нашего кузнеца жена красавица будет, а не молчальница чудная!

Любава лишь слабо кивнула, чувствуя, как под рубахой, прямо у сердца, тяжело покоятся бусы Млады.

Вскоре с улицы донёсся зычный, весёлый гул. Богдан шёл свататься, как велит древний обычай. Степан, отец Любавы, первым вышел на крыльцо, а за ним, робея и придерживая подол праздничного сарафана, ступила и сама девушка.

На большой деревенской площади уже собрался едва ли не весь честной народ. Завидев Любаву, Богдан замер на мгновение, ловко поправил ворот своей чёрной вышивной рубахи и открыто, с гордостью улыбнулся. Девушка от смущения тут же залилась густым румянцем и низко склонила взгляд в землю, разглядывая мыски своих праздничных поршней.

Богдан, полный решимости и удали, шагнул в самый центр площади. Его сильный, зычный голос раскатился над толпой, зазывая народ в свидетели:

— Слышь, люди православные! Чернореченцы! Перед всем миром, перед землёй и небом стою!

Он повернулся к отцу Любавы, почтительно склонив голову, но глядя прямо и твёрдо:

— Дядька Степан, перед лицом твоим и перед всей общиной клятву даю! Верой и правдой Любаву любить буду, беречь пуще глаза своего, от любой беды закрывать, покуда кровь в жилах моих горячая бежит! Позволь взять дочь твою в жёны, отпусти в мою избу хозяйкой!

Степан довольно улыбнулся, огладил густую бороду и зычно ответил:

— Быть по-твоему, Богдан! Кузнец ты честный, парень надёжный. Забирай мою дочку, владей её сердцем!

Толпа вокруг одобрительно загудела. Мужики принялись хлопать Богдана по плечам, девки завистливо зашептались, а матушка Любавы тихонько заплакала в передник от облегчения. Деревня приготовилась радоваться новому союзу.

Но праздничный гул оборвался мгновенно, словно подкошенный.

В центр площади, тяжело и властно ступая, вышел мужчина. Толпа перед ним расступилась в благоговейном страхе. Это был староста деревни — Ратибор. Его расшитая рубаха казалась безупречной, но лицо было хмурым, а липкий, тяжелый взгляд хищника впился прямо в

Любаву. На его большом пальце зловеще тускнел золотой перстень с багровым камнем. Стоило Любаве взглянуть на это кольцо, как бусы на её груди раскалились до леденящей боли, заставив её затаить дыхание.

— Постойте! — громовым голосом перебил Ратибор, поднимая руку и обрывая все клятвы. — Рано радуетесь, православные! Не бывать этой свадьбе. Нельзя брать эту девицу в жёны!

На площади воцарилась тишина. Богдан набычился, сжав кулаки, и сделал шаг наперерез старосте.

— Это ещё почему, Ратибор Степанович? Венок выловлен, отец согласен, пред общиной клятва дана!

— А потому, парень, что негоже от людей правду скрывать, коль беда на порог пришла! — Ратибор повернулся к притихшей толпе, искусно напуская на лицо суровую скорбь. — Вчера в самую полночь, когда все у костров гуляли, я лично видел, как Богдан эту девку из реки вытаскивал. Из самого Чёрного омута! Меченая она теперь, люди. Помеченная самой русалкой, спасённая из её пасти! Млада её коснулась, душу её ледяным дыханием отравила. Не к добру это! Русалка обиды не прощает. Раз Любаву у неё отняли — река рассвирепеет. Вместо неё она теперь за другой девицей придёт, коли уже не пришла!

Толпа испуганно ахнула. Мужики начали креститься, бабы в ужасе прижали к себе дочерей. Слова старосты падали на крестьянские души ядовитыми каплями.

И тут, словно в подтверждение его страшных слов, на самой окраине площади раздался истошный, надрывный бабий крик. Толпа расступилась, и все увидели бегущую, растрепанную женщину, которая рыдала в голос, разрывая на себе ворот платья:

— Горе! Горе-то какое, люди добрые! Доченька моя... Милослава моя... Пошла ночью к воде и воротилась! Постель пустая, на окне тина речная! Забрала... Опять забрала река!

Ратибор медленно обернулся к Богдану и Любаве. На его губах на мгновение промелькнула едва заметная, торжествующая и злая усмешка. Он обвёл толпу тяжёлым взглядом и зловеще проговорил:

— Ну вот. Что я вам говорил? Забрала окаянная. Из-за вашей гордыни и чужого спасенья новая невинная душа на дно ушла.

Любава стояла ни жива ни мертва. Сердце её бешено колотилось, а спрятанные под рубахой бусы Млады кололи кожу так сильно, словно умоляли её вспомнить сны, которые этой ночью только-только начали стучаться в её сознание. Она смотрела на старосту и впервые чувствовала, что истинное чудовище стоит прямо перед ней, на залитой утренним солнцем площади.

Глава 8

Сон наяву и подводный покой

Площадь после бабьего крика вскипела, точно потревоженный муравейник. Крестьяне пятились от Любавы, ровно от зачумленной, крестились и бросали на неё испуганные, обвиняющие взгляды. Ратибор стоял, скрестив руки на широкой груди, и в его глазах, подернутых липким торжеством, читался безжалостный приговор.

Но Богдан не дрогнул. Лицо кузнеца потемнело от ярости, жилы на шее вздулись. Он шагнул вперёд, наотмашь перегораживая старосте дорогу к Любаве, и с силой прижал девушку к своему боку, укрывая в надёжных, горячих объятиях.

— Не отдам я её русалке! И вам на растерзание не брошу! — громовым голосом отчеканил Богдан, и толпа вздрогнула от его напора. — Не бывать этому, пока я жив! А вы, коли горя в избах не хотите, бдительнее будьте! Следите за дочерьми своими, куда они по ночам ходят да с кем, а не на безвинную девку грехи реки валите!

Не дожидаясь, пока староста ответит или толпа опомнится, Богдан увлек Любаву за собой. Он вёл её через расступающуюся, шипящую общину, крепко сжимая её холодные пальцы в своей горячей ладони. Наплевав на все вековые запреты и законы, предписывающие невесте до венчания оставаться под родительской крышей, кузнец привёл Любаву прямо в свой дом.

В избе кузнеца пахло сухими травами, древесным углём и калёным железом. Любава послушно, ровно безвольная кукла, опустилась на лавку за дубовый стол, пониже склонив голову. Волосы шёлком упали на бледное лицо, скрывая глаза. Матушка Богдана, седая, согбенная годами женщина с добрым, но изрезанным морщинами лицом, ходила вокруг стола, тихонько причитая и качая головой.

— Ох, не к добру это, Богданушка, — прошептала старушка, всплескивая сухими руками. — Народ ведь обозлился, сынок. Весь мир против вас пойдет. Не по правилам ты всё делаешь, не по нашему закону. Твоя она станет только после свадебки, тогда и в дом забирают... Зачем общину гневить?

Богдан с размаху стукнул тяжёлым кулаком по столу так, что зазвенели глиняные плошки.

— Народ наш от страха перед рекой умом двинулся, мама! — сдерживая рычание, отозвался он. — Они сума сойдут от речей старосты и оскалятся на Любаву. Растерзают её, камнями забросают, думая, что тем самым омут задобрить смогут. А в чем её вина? В том, что выжила? В том, что я её из воды вырвал? Не оставлю я её там, где Ратибор своими речами толпу травит.

Матушка Богдана лишь тяжело вздохнула, понимая, что упрямого сына не переломить. Против его воли не пойдешь. Смирившись, она устроила Любаве мягкую перинку в девичьем куту, за печью, отгородив её чистой занавеской. Сам же Богдан, строго соблюдая мужскую честь и не смея до свадьбы делить ложе с любимой, забрал свой тулуп и отправился ночевать в прохладный сарай, пахнущий сеном и стружкой.

Ночь опустилась на Черноречье удушливая, безветренная. Любава спала неспокойно. Стоило ей закрыть глаза, как под рубахой, прямо у сердца, коралловые бусы начинали пульсировать леденящим, потусторонним ритмом. Камни звали её, жгли кожу мертвенной стужей, вытягивая душу из тела.

Она поднялась среди ночи. Глаза её были открыты, но взгляд оставался остекленевшим, устремленным в никуда, словно она спала наяву. Босые ноги бесшумно коснулись половиц. Любава, точно бледное привидение в белой холщовой рубахе, раздвинула занавеску и вышла

на улицу. Мягко ступая по холодной, росистой траве, не разбирая дороги, она направилась прямиком к реке. Чёрный омут манил её, тянул за собой невидимой нитью.

Богдан в сарае спал чутко. Словно почуяв неладное сердцем, он внезапно проснулся в холодном поту. Выскочив во двор, кузнец огляделся и в предрассветном сумеречном тумане заметил тонкий белый силуэт, удаляющийся в сторону камышей.

— Любава! — беззвучно выдохнул он.

Поняв, что девица бредит или идет под русалочьим мором, Богдан помчал со всех ног, ломая прибрежные кусты. Сердце его колотилось в горле от страха. Выбежав к Чёрному омуту, он замер.

Любава стояла на самом краю ветхого деревянного мосточка. Её длинные волосы рассыпались по плечам, одежда промокла от густого тумана. Она смотрела прямо в зеркально-черную, неподвижную гладь воды своими остекленевшими, светящимися в темноте глазами. И вдруг, закинув голову к бледной луне, она запела. Голос её, обычно тихий и робкий, сейчас звучал пугающе чисто, напевно, разливаясь над рекой древней сказовой мелодией:

— Черный омут, открой мне врата...

— Покажи мне, что тайною скрыто.

— Я пришла за ответом сюда,

— Где невинная кровь пролита...

Едва последний звук сорвался с её губ, как неподвижная гладь омута пошла крупной рябью. Вода вскипела мелкими пузырями, и из самой чёрной глубины, окутанная зелёными водорослями и речной тиной, медленно поднялась дева.

У неё были длинные, как смоль, мокрые волосы, облепившие бледные плечи, и прозрачные, мертвые глаза, в которых не было зрачков — лишь сплошная, пугающая белизна. Лицо русалки было искажено мукой и застывшим криком, а бледные, полупрозрачные руки Млады потянулись из воды прямо к Любаве, словно увлекая её за собой в бездну.

Богдан, затаившийся в прибрежных зарослях, сорвался с места, ломая ракитник и круша ногами хрупкую сухую осоку.

С одной стороны, кузнец сначала совсем опешил, похолодев изнутри — увидеть такое воочию, наяву, было выше человеческих сил. Все страшные дедовские поверья, все бабьи сказки про русалку, над которыми они так беспечно смеялись у костров, оказались чистой, леденящей кровь правдой. Млада существовала. Она качалась на тёмной воде омута, бледная, страшная, восставшая из самой смерти. Но с другой стороны, в груди Богдана вслед за оцепенением вскипела слепая, яростная отвага. Кузнец не собирался отдавать мёртвой воде свою любимую. Он готов был прямо сейчас броситься в Чёрный омут, за секунду сгореть, захлебнуться, умереть вместо неё в ледяной бездне — лишь бы этот дух оставил Любаву в покое, дал ей дышать и жить на земле.

— Любава! — диким, надрывным голосом закричал парень, вылетая на мостки и протягивая к ней свои мозолистые руки.

Но Богдан даже не успел добежать нескольких шагов.

Стоило Любаве оборвать свою песню, как бледные, покрытые речной тиной руки Млады резко рванулись вперёд. Полупрозрачные мёртвые пальцы девы вцепились в белую рубаху живой девушки. Любава лишь испуганно ойкнула, остекленевшие глаза её закатились, лишая её чувств, и она безвольно рухнула с мостков прямо в воду вслед за русалкой. Чёрная гладь сомкнулась над ними с тихим, прожорливым всплеском.

— Нет! Нет! Нет! — отчаянно, срывая голос в хрип, кричал Богдан, бросаясь на колени у самого края досок.

Он безумно шарил руками в ледяной воде, всматривался в бездну, где расплывались чёрные круги, готовый нырнуть следом за ними на самое дно. Весь мир вокруг него рушился.

— Верни её... Прошу тебя, верни! За что ты караешь нас, Млада? — снова и снова шептал он, давясь слезами бессилия и глядя в глухую темь. — Не наказывай... Не наказывай меня, покуда сам не знаю, за что! Какую вину мы перед тобой держим? Отпусти её душу!

Его горячие слёзы падали в реку, растворяясь в сыром тумане. Сердце Богдана замерло, отсчитывая самые страшные минуты в его жизни.

Но Чёрный омут распорядился иначе. Прошло буквально около минуты, показавшихся кузнецу вечностью, как вода у мостков снова мягко качнулась, бесшумно выталкивая что-то на поверхность.

Богдан опустил взгляд и обомлел. Прямо у его ног, на старых деревянных досках мостков, тихо покоилась Любава. Она лежала в его руках, свернувшись калачиком, и дышала ровно, глубоко, словно спала в своей тёплой постели. Но самое удивительное и пугающее было в другом: её холщовая рубаха с багряной вышивкой, её длинные медовые волосы — всё было совершенно сухим, будто она и не касалась речной глубины. Лишь под воротом её сорочки, прямо на шее, ярко-алыми каплями горели бусы. Русалка не забрала Любаву. Она погрузила её вглубь омута, чтобы показать то, что скрыто от живых глаз, а затем бережно вернула обратно суженому.

Богдан, тяжело и судорожно дыша, прижал девушку к себе, боясь выпустить хоть на миг. Сердце его бешено колотилось, а сам он, не мигая, ошеломленно таращился в туманную воду.

Там, чуть поодаль от берега, среди увядающих кувшинок, медленно удалялась голова русалки. Чёрные, как вороново крыло, мокрые волосы шлейфом тянулись за ней по воде. Дух Млады ещё мгновение качался на волнах, а затем медленно, без единого всплеска, скрылся в пугающей глубине Чёрного омута, унося свои тайны обратно на дно. Река снова затихла, став гладкой и равнодушной, словно ничего и не было.

Глава 9

Окаменевшее сердце

После той жуткой купальской полночи Любава будто окончательно лишилась души, оставив на земле лишь свою хрупкую телесную оболочку. Она замкнулась так глубоко, что из неё нельзя было вытянуть ни единого вздоха. Если раньше её звали молчальницей, то теперь в деревне стали открыто креститься при встрече, шепча, что девка «одичала» и «свихнулась от русалочьего мора».

Утром на пороге избы Богдана появился Степан. Лицо плотника было серым от бессонной ночи, а в глазах стояла угрюмая, непреклонная решимость. Он наотрез отказался слушать сбивчивые объяснения кузнеца о ночном тумане и сухой рубахе дочери.

— Все по-людски должно быть, Богдан, — сурово отрезал Степан, перегораживая плечом проход. — Негоже девке до венчания в чужом доме приживалкой сидеть. Община и так волком смотрит после речей старосты, а ты ещё и законы предков топчешь. Ворочай Любаву в родную избу. Коль слово твоё крепко — жди назначенного дня, а ломать обычаи я не позволю.

Богдану ничего не оставалось, как подчиниться отцовскому указу. Внутри у него все горело и переворачивалось от бессильной тревоги за любимую, но он до скрежета зубовного боялся, что упрямый тесть осерчает, посчитает его нечестивцем и вовсе передумает отдавать дочь. Напоследок кузнец успел лишь крепко, до боли сжать ладонь Любавы на глазах у отца. Его горячие пальцы дрожали.

— Жди меня, Любава, — хрипло, из самой глубины исстрадавшегося сердца выдохнул он, заглядывая в её пустые, остекленевшие глаза. — Никому тебя не отдам. Скоро свадьба, потерпи, родная...

Любава даже не кивнула. Она послушно побрела за отцом, волоча ноги по пыльной дороге, ровно приговоренная к казни.

Дома она сразу забилась в самый дальний, тёмный угол у печи. Села на низкую скамеечку, подтянув колени к груди, и замерла. Холщовая рубаха облепила её похудевшие плечи, медовые волосы спутанными прядями закрывали бледное лицо. Из-под ворота она достала алые бусы пролитой крови на её бледных пальцах. Любава часами сидела неподвижно, лишь мерно, с сухим стуком перебирая круглые леденящие камни.

Щёлк. Щёлк.

Каждая бусина отзывалась в её голове чужим, глухим стоном Млады.

Матушка Дарья то и дело подходила к ней, вытирая слёзы концом повойника. Пахло печеным хлебом, но этот мирный запах теперь казался Любаве чужим, удушливым. Ей чудилась болотная гниль, сырость и запах речных лилий.

— Любавушка, доченька, да что ж с тобой сталось-то? — матушка опустилась перед ней на колени, пытаясь заглянуть под пряди волос. Она несмело протянула руку, коснулась холодного плеча дочери. — Скажи маме, не таи греха. Богдан ли тебя обидел? Силой ли взял, обиду какую нанёс, пока в избе его сидела? Оттого ли молчишь, ровно воды в рот набрала?

Любава медленно подняла на мать свои огромные, полные нечеловеческого ужаса ореховые глаза. Её губы задрожали, приоткрылись, но из горла вырвался лишь задушенный хрип. Камни в её пальцах леденели всё сильнее.

«Как сказать?— кричал её собственный, бьющийся в панике разум. — *Как вымолвить эту страшную правду? Рассказать, что я была там, на самом дне? Что Млада показала мне ледяную бездну Чёрного омута, где среди водорослей, ровно живые, спят все пропавшие девки? Что они не сожраны водяным, а лежат там чистые, нетронутые тленьем, спрятанные от земного позора? Рассказать, что я видела лицо чудовища, которое их туда столкнуло?»*

Любава перевела взгляд на окно, за которым в лучах полуденного солнца расхаживал по площади староста Ратибор в своей нарядной рубахе, степенно раздавая указания мужикам.

«Скажи я хоть слово — и меня посчитают сумасшедшей, блаженной, лешаковым отродьем, — горько думала Любава, сильнее сжимая бусы. — Отец закроет в избе, община камнями забьёт, решив, что во мне бес русалочий сидит. А виновник... Он прознает и задушит меня ночью в собственной избе. И Богдана погубит. Никто не поверит молчальнице. Никто...»

Она упрямо зажала рот ладонью, сдерживая рвущийся наружу крик, и снова опустила голову. Пальцы судорожно перебирали алые кораллы. Обида Млады теперь жгла её собственную грудь, и Любава понимала: земного суда над этим человеком не будет. Единственное правосудие, которое ждёт Черноречье, придёт из ледяной глубины Чёрного омута. И бусы на её шее требовали этой безжалостной мести.

Весь оставшийся день на деревенской площади, точно потревоженный рой лесных ос, скитались и шумели напуганные люди. Черноречье, только-только начавшее забывать былые беды, снова погрузилось в липкий, душный страх. Исчезновение Милославы разрушило обманчивый покой, и мир вокруг Любавы сделался ядовитым и враждебным.

Стоило девушке выйти за порог избы, чтобы принести хворосту или помочь матери по хозяйству, как доселе знакомые люди тут же испуганно шипели, плевали через левое плечо и шарахались в стороны, прижимаясь к стенам тесовых амбаров. Молодые девчонки, с которыми она ещё недавно росла в одной деревне, теперь сбивались в кучки и злобно шептались за ее спиной: *«Ведьма... Приворотная... Из-за неё река девок душит!»*

Нашёлся и тот, у кого страх перерос в слепую ярость: про пробегавший мимо тринадцатилетний мальчишка, подстрекаемый старшими, с диким улюлюканьем швырнул в Любаву сморщенным, тухлым помидором. Гнилая красная жижа скользнула по белому рукаву холщовой рубахи, оставляя грязный след.

Но Любава даже не вздрогнула и не отреагировала на это. Она не замедлила шага и не подняла головы, словно вовсе не она сейчас шла по пыльной, раскаленной солнцем улице, и словно не в неё люди со злобой швыряли придорожную гниль. Её тело двигалось по земле, но мысли оставались там, в ледяной зеленоватой бездне, среди спящих кувшинок и мёртвых подруг.

Ближе к вечеру, когда матери пришлось заставить Любаву сменить уже третий по счёту сарафан, испачканный грязью и плевками односельчан, внутри молчальницы что-то надломилось. На смену тоске начала приходить немая злость. Обида Млады, запертая в кораллах на её шее, медленно перетекала в живое сердце Любавы, требуя выхода.

Она проходила мимо центрального колодца, когда тропинку ей перегородила Дарёна — одна из самых высокомерных и языкастых девиц Черноречья. Дарёна, чья лучшая подруга сгинула в омуте, вся дрожала от злобы. Завидев Любаву, она с яростным криком замахнулась тяжёлым деревянным ведром, до краев полным студеной воды, намереваясь у всех на глазах облить «русалочью приживалку».

— На, умойся, нечисть окаянная! Смой с себя вонь болотную! — взвизгнула Дарёна.

Но Любава не сжалась и не побежала. В эту секунду алые бусы под её рубахой обжёг грудь леденящим пламенем. Любава резко вскинула на обидчицу свой потемневший, пугающе злой и тяжёлый взгляд, от которого веяло могильной прохладой Чёрного омута. Она выпрямилась во весь рост, подняла руку и со свистом ткнула бледным указательным пальцем прямо в лицо опешившей девице.

— Не ходи сегодня на костёр, — рокочущим и не своим голосом, в котором отчетливо слышался шелест камыша и бульканье бездны, проговорила Любава. — Иначе следующей будешь.

Сказав это, она резко развернулась и молча, не оборачиваясь, ушла в сторону родительской избы.

Дарёна так и застыла на месте, ровно громом пораженная. Тяжёлое ведро дрожало в её руках, выплескивая воду на босые ноги. Лицо девицы сделалось белым, как полотно, а в глазах застыл ужас. Визгливо вскрикнув, она выронила ведро — оно с грохотом покатилось по земле, заливая пыль, — и безумно ринулась прочь, к своему дому, спотыкаясь и закрывая лицо руками.

— Прокляла! Она меня прокляла! Люди добрые, блаженная меня прокляла, смерть мою накликала! — истошно кричала Дарёна на всю площадь, сея вокруг себя новую, ещё более страшную панику.

Глава 10

Осока ломается с хрустом

Вечер опустился на Черноречье душный, напоенный ароматом костров и хвойной смолы. На высоком берегу реки снова зашумела молодёжь. Гулянье шло своим чередом: парни пекли на углях свежий хлеб, девки выводили звонкие, порой лукавые припевки, а искры от пламени с треском улетали в бездонное чёрное небо. Жизнь, несмотря на вчерашний ужас, упрямо брала своё.

Дарёна стояла у забора своей избы, кусая губы. Слова Любавы, брошенные днём у колодца, засели в её голове колючим репьем. Всю дорогу домой ей мерещился речной шёпот. Но сейчас, глядя на далекие отсветы купальского огня, девица начала злиться на собственную трусость.

«Ишь, выдумала, блаженная! — думала Дарёна, поправляя праздничные бусы. — *Напугать меня решила, чтобы я дома сидела, пока она кузнеца нашего привораживает? Не бывать этому!»*

К тому же, у костра её ждал Микула — парень, который выловил её венок. Обещаний он пока никаких не давал, сватов на рассвете не засылал, но Дарёна верила, что сегодняшняя ночь всё решит. Она не могла пропустить этот вечер.

Схватив платок, она огородами побежала к реке. Чтобы успеть побыстрее и не встречаться на главной улице с косыми взглядами соседей, Дарёна решила срезать путь по нижней, заброшенной тропе, которая змейкой вилась у самого Чёрного омута, сквозь густые заросли ракитника и высокой осоки.

Здесь пахло сыростью, болотной гнилью и речными лилиями. Дышать стало тяжело. Дарёна прибавила шагу, испуганно прислушиваясь к далёкому шуму.

Вдруг из темноты, прямо из густого сплетения ивовых ветвей, наперерез ей метнулась грузная тень. Дарёна не успела даже вскрикнуть, как сильные, жесткие пальцы вцепились в её плечо. Чья-то грубая сила рванула её с тропинки прямо в мокрую, колючую осоку, повалив навзничь на сырую прибрежную землю.

— М-мм! — судорожно попыталась закричать девица, но чужая тяжёлая ладонь с маху запечатала ей рот, до боли вдавливая губы в зубы.

Лица нападавшего в кромешной темноте и тумане было не разглядеть — лишь смутный силуэт да хриплое животное дыхание над самым ухом. Мужчина действовал яростно, со знанием дела. Дарёна извивалась под его тяжёлым весом, роя босыми ногами скользкий ил, пыталась кусаться, но чужие пальцы уже жадно, с треском рвали ткань сарафана, задирая подолы рубахи вверх. Ужас парализовал её тело, когда она поняла, что её сейчас опорочат прямо здесь, у чёрной воды.

Когда девица, собрав последние силы, умудрилась извернуться и закричать сквозь пальцы, нападавший разозлился. Он схватил её за чёрную косу и с силой окунул голову Дарёны прямо в ледяную гладь реки. Вода обожгла лицо, забилась в нос и рот. Дарёна задыхалась, перед глазами поплыли кровавые круги. Она мысленно попрощалась с жизнью, уверенная, что русалка все-таки пришла за ней.

Все произошло так быстро, что разум не успевал за событиями. Вдруг нападавший резко обмяк, словно наткнулся на невидимую стену. Он испуганно хрипнул, отпустил волосы Дарёны и с шумом ломающихся кустов бросился бежать прочь, исчезая в лесной глуши.

Дарёна судорожно вынырнула на берег, жадно, со свистом хватая ртом воздух и отплевываясь от горькой омутной воды. Не помня себя от пережитого ужаса, она подскочила на ноги, дрожащими руками оправляя разорванный подол и разрыдавшись в голос. Сердце колотилось

в груди ровно сумасшедшее. Он не успел. Не успел сделать с ней самого страшного, не опорочил и не убил, бросив добычу в последний момент.

Всхлипывая, Дарёна стала дико озираться по сторонам, пытаясь понять, что испугало её мучителя. И тут её взгляд упал на песчаную косу чуть в отдалении.

Там, прямо у кромки чёрной неподвижной воды, стояла Любава. На ней была лишь простая белая сорочка, растрепанные медовые волосы развивались на холодном речном ветру. Её глаза, огромные и стеклянные, отражали бледный свет луны. Она стояла неподвижно, ровно каменное изваяние, а её тонкие бледные пальцы медленно, с сухим щёлканьем перебирали на груди бусы.

— Я же тебе говорила — не ходи сегодня на костёр, — проговорила Любава. Её голос прозвучал удивительно ровно, глухо, без единой живой эмоции, перекрывая шум камыша. — В следующий раз спасать не стану. Утопит он тебя.

Она медленно развернулась, собираясь уходить обратно к деревне.

— Кто?! Кто утопит?! — тут же истошно разрыдалась Дарёна, делая несколько шагов вслед за ней по мокрому песку. Руки её тряслись, а с одежды ручьями стекала грязная вода. — Кто это был, Любава?! Ответь мне, не молчи! Ты видела его? Ты видела русалку?! Что... что я ей сделала, за что она на меня ополчилась?!

Любава на мгновение замерла. Она обернулась через плечо, и Дарёне показалось, что на дне ореховых глаз молчальницы на секунду мелькнул призрак черноволосой Млады.

— Не русалка это, дура ты, — тихо, со страшным спокойствием обронила Любава. — Человек это. Живой.

Дарёна от этих слов зарыдала ещё пуще, прижав ладони к искусанным губам. Ужас от того, что среди них, в их собственной деревне, ходит чудовище во плоти, оказался сильнее страха перед мёртвыми духами. Не помня себя, она развернулась и сломя голову помчалась прочь от реки, уносясь к своей избе.

Когда шаги испуганной Дарёны окончательно затихли в лесной глуши, Любава медленно побрела вдоль берега. Ноги сами привели её к старому, полусгнившему мосточку. Девушка послушно опустилась на мокрые доски, подтянула подол сорочки и окунула босые ступни в ледяную, зеркально-черную гладь Чёрного омута. Вода обжигала, но эта стужа приносила облегчение, заглушая липкий земной страх.

Любава закинула голову к бледной луне и снова тихо, протяжно запела песню-призыв. Её голос, пахнущий туманом и ночной прохладой, летел над притихшими камышами. Она звала русалку к себе не ради забавы. Сердце молчальницы разрывалось от тяжелой боли. Ей нужно было высказать то, что мёртвым грузом лежало на душе: она знала, кто всё это делает. Знала имя чудовища. Но она совершенно не знала, как быть дальше. Как сообщить людям? Никто в Черноречье не поверит странной девке. Мужики скорее свяжут её саму, объявят ведьмой и бросят в Чёрный омут, лишь бы задобрить реку и не накликать новую беду на свои семьи.

Едва последняя нота замерла над камышами, как вода у самых ног Любавы пошла маслянистой рябью. Из чёрной бездны бесшумно показалась голова Млады.

Любава даже не испугалась её. Она смотрела на мёртвую красавицу как на сестру по несчастью. Мокрые, чёрные как вороново крыло волосы русалки шлейфом расплывались по воде, а прозрачные глаза без зрачков слабо светились в темноте. Млада зашептала. Её губы едва шевелились, выдавая странное, древнее наречие, но Любава понимала каждое слово так легко, словно это был её родной язык. Дух Млады делился своей обидой, направляя Любаву по следу мести.

В этот самый момент из прибрежных зарослей, тяжело дыша и ломая ветки ракитника, на мостки выскочил Богдан. Он снова был напуган до глубины души, сердце его колотилось в самом горле. Завидев у ног любимой жуткий речной призрак, кузнец похолодел, но тут же яростно шагнул вперёд, закрывая Любаву собой.

— Не смей! — дико, со скрежетом прокричал Богдан, глядя прямо в мёртвые глаза русалки. Его кулаки сжались до белизны в суставах. — Осушу всю реку до единой капли, по бревнышку омут раскидаю, коль тронешь её! Не отдам!

Млада лишь странно, медленно наклонила голову набок, и на её бледном лице промелькнула жуткая, неестественная улыбка, обнажившая острые, ровные зубы. В этой улыбке не было злобы к парню — лишь потустороннее торжество. Русалка перевела свой прозрачный взгляд на замершую Любаву и заговорила так, что её голос зашуршал в головах влюбленных, точно сухой камыш на ветру:

— Свадьбу сыграете через два дня... — беззвучно отозвалась она. — Дарёне отдай одну из алых бусин. Черноволосые его привлекают больше... Отдай им по бусине на самом рассвете. И ни минутой позже.

Едва последнее слово затихло, Млада резко качнулась назад и без единого всплеска скрылась в пугающей глубине омута. Вода сомкнулась, оставляя на поверхности лишь тающие круги.

Богдан тут же, не теряя ни секунды, рванул Любаву к себе и яростно вовлек в свои горячие, крепкие объятия. Девушка даже не сопротивлялась. В ту же секунду остекленевший, туманный морок полностью рассеялся в её глазах. Разум вернулся к ней, и Любава тяжело, со свистом выдохнула скопившийся в груди воздух прямо в мокрый воротник его черной вышитой рубахи, прижимаясь к парню всё теснее и теснее.

Её тело тут же стало колотить крупной, судорожной дрожью от нахлынувшего ночного холода и пережитого страха. А Богдан, не разжимая рук и укутывая её своим теплом, продолжал дико, напряженно смотреть на серебряные волны реки под бледной луной, где ещё мгновение назад виднелась страшная голова утопленной девы.

Глава 11

Красная нить на рассвете

Рассвет над Черноречьем занимался неохотно, словно сама земля стыдилась заливать светом то, что произошло ночью у Чёрного омута. Плотный, холодный туман, пахнущий мокрой ракитой и тиной, лениво переползал через прибрежные заборы, укутывая спящую деревню белым саваном.

Богдан и Любава не сомкнули глаз до самого утра. Они сидели в полумраке его избы у остывающей печи, освещенные лишь бледным предрассветным лучом, пробивавшимся сквозь мутное слюдяное оконце. На дубовом столе, зловеще контрастируя с белизной чисто выскобленного дерева, покоились алые коралловые бусы Млады.

Кузнец долго молчал, всматриваясь в застывшее лицо невесты. Его мозолистые пальцы бережно поглаживали её ладонь. Богдан принял решение ещё там, на мостках, под призрачным взглядом русалки. Он любил Любаву сильнее самой жизни и готов был пойти против всего мира, против законов общины и воли старейшин, лишь бы спасти её от земного чудовища.

— Помогу я тебе, Любавушка. Всем сердцем помогу, — проговорил он, и его голос вернул девушке способность дышать. — Раз мёртвая дева указала путь, значит, так тому и быть. Примем её помощь.

Любава слабо, но благодарно улыбнулась, и в её глазах впервые за долгое время блеснула живая искра. Она достала из кармана сарафана острое кузнечное шило. Парень крепко зажал бусы в кулаке, и Любава аккуратно, стараясь не уронить ни единой детали, перерезала прочную конопляную нить. Круглые алые камни с сухим, костяным стуком рассыпались по столу, точно крупные капли свежей крови. Они бережно отобрали нужное количество бусин — ровно столько, сколько в Черноречье росло молодых, статных девиц с чёрными, как смоль, волосами. Именно такие, согласно страшным снам Млады, манили к себе хищный взор мужчины.

Как только первый луч солнца позолотил верхушки сосен Чёрного бора, Богдан отправился по деревне. Время не ждало — Млада строго приказала раздать камни на рассвете, ни минутой позже.

Кузнец шёл от избы к избе, выслеживая черноволосых девиц, пока те шли к колодцу или выгоняли скотину на пастбище. Девушки с охотой и радостным трепетом принимали из рук первого красавца деревни тайные подарки. Накануне объявленной свадьбы они все ещё втайне рассчитывали, что статный кузнец одумается, бросит чудную молчальницу Любаву и выберет кого-то из них. Каждая верила, что этот алый коралл — тайный знак его особого внимания.

Богдан же, пересиливая душевную боль от этой лжи, каждой строго заглядывал в глаза и наказывал:

— Возьми, Настасья (или Степанида). Только заклинаю тебя всем, что тебе дорого: продень сквозь этот коралл красную нить, надень на шею и прячь глубоко под холщовой рубахой. Чтобы ни единая живая душа, ни мать, ни подружки её не заприметили. И рта не раскрывай, никому ни слова не говори об этом разговоре. Коль нарушишь уговор — вековать тебе в девках.

Черноволосые девицы испуганно кивали, прижимали заветные бусины к груди и бережно прятали их в карманы сарафанов, окутанные тайным предвкушением. Они не знали, что эти камни, нанизанные на красную нить, станут для них не любовным приворотом, а защитным оберегом.

В это же время в избу Любавы, едва переводя дух от пережитого ночного ужаса, тайно пробралась Дарёна. Её праздничный сарафан был помят, глаза опухли от слёз, а руки всё ещё крупно дрожали. Но страх в её девичьей душе теперь мешался с упрямой, горячей злостью. Дарёна была благодарна Любаве за спасение. Понимая, что ночью у воды её пыталась погубить вовсе не мифическая речная нечисть, а живой, осязаемый мужчина из их же деревни, она жаж-

дала мести. Она хотела наказать того, кто посмел поднять на неё руку и попытался опорочить перед всей общиной.

— Вот, держи, Дарёна, — Любава протянула ей последнюю алую бусину, и её голос прозвучал ровно, без прежней робости. — Млада велела и тебе надеть её на красную нить. Этот камень защитит тебя.

Дарёна несмело взяла холодный коралл, и по её коже тут же пробежали мурашки. Она сжала кулак и упрямо посмотрела на молчальницу:

— Надену, Любава. Все сделаю, как река велит. Пусть у меня поджилки от страха трясутся, а я выслежу этого ирода. Помогу тебе и Богдану. Не бывать чудовищу среди живых людей.

Две девушки молча переглянулись, скрепляя этот тайный союз перед лицом наступающего дня.

Ближе к обеду, когда солнце выжгло утренний туман и поднялось в самый зенит, Богдан вместе со Степаном, отцом Любавы, вышли на площадь. Голос плотника, привыкший перекрикивать стук топоров, разнесся по Черноречью весомо и твёрдо: свадьбу сыграют через два дня, как и велел обычай, перечить которому никто не имел права.

Деревня недовольно загудела. Мужики и бабы по-прежнему косились на Любаву, шептались за углами амбаров и плевали через левое плечо, стоило ей пройти мимо. Речи старосты глубоко засели в их головах. Однако законы общины чтили свято, да и Степана с Дарьей в Черноречье как-никак уважали — плотник был честным, работящим, зла никому не творил. Против воли отца и согласия жениха пойти никто не решился.

Подготовка закипела вовсю. Праздник, хоть и омраченный страхом перед рекой, требовал рук. Бабы доставали из сундуков лучшие скатерти, мужики ладили столы прямо на площади, сколачивая длинные козлы из свежих досок, пахнущих сосновой смолой. Молодые парни таскали охапки березовых веток для украшения свадебного места.

Всей этой суетой вызвалась заправлять Дарёна. Она, бледная, но упрямая, прибежала к избе Любавы и буквально утащила её за собой.

— Пойдем, Любавушка, — громко, чтобы слышали любопытные соседки, позвала Дарёна, крепко сжимая её ладонь. Под её собственной рубахой, прямо у сердца, колючим холодком уже грела заветная алая бусина на красной нити. — Нам наряд твой ладить надо. Матушка моя уже иголки достала, фату-повойник расшивать станем. Поможем тебе, как подруге полагается.

Они закрылись в светлице Дарёны. Старая ткачиха, матушка Дарёны, лишь покачивала головой, укладывая на стол белоснежный холст, но Любаву не обижала — дочь уже успела шепнуть ей, что молчальница ночью уберегла её от жуткой беды. Руки девушек слаженно порхали над тканью, выводя по подолу защитные красные кресты.

Пока женщины шили, на площади вовсю орудовал староста. Ратибор буквально исходил желчью, глядя на предсвадебную суету. Он ходил вокруг работающих мужиков, заглядывал в глаза старейшинам и липким, вкрадчивым шёпотом сеял панику:

— Беда будет, православные... Чует моё сердце, обернется эта радость кровавыми слезами. Отменить бы надо свадьбу-то, не время сейчас девок в чужие избы водить, пока река беснуется. Нужно зимы дождаться, как Чёрный омут льдом крепким замерзнет, сковав нечисть русалочью. Вот тогда и гуляйте! А сейчас Любава беду накличет на каждый двор...

Люди испуганно затихали, бросая топоры. Но в этот момент к Ратибору вплотную подошёл Богдан. Статный кузнец, в своей черной вышитой рубахе, казался выше и шире старосты. Он смерил Ратибора тяжёлым, леденящим взглядом и глухо, так, чтобы слышали все вокруг, отрезал:

— Не верю я в это, Ратибор Степанович. И в сказки твои про речной мор больше не верю. Свадьба будет тогда, когда отец невесты назначил. Займись лучше своими делами, староста. У тебя в амбарах крысы зерно бьют, а ты все девичьи венки чужие считаешь.

Староста аж побелел от такой дерзости, его челюсть дернулась, а пальцы судорожно сжались вокруг золотого перстня с багровым камнем. Но перечить кузнецу при всем народе он не стал, лишь злобно сплюнул под ноги и ушёл в сторону своего терема.

Богдан же, вернувшись к работе, больше не спускал глаз с мужиков Черноречья. Он таскал бревна, ладил столы, но его острый взгляд кузнеца то и дело подмечал каждое движение, каждую руку. Он пристально присматривался ко всем мужчинам в деревне — к крепким плотникам, молодым парням, заезжим торговцам. В его голове стучала одна-единственная мысль: *«Кто же из них? Кто этот несчастный злодей, этот ирод, что ночью напал на Дарёну и годами топил наших девок?»*

Глава 12

Чёрный нарыв

Солнце опустилось за верхушки Чёрного бора, оставив на небе грязный, багровый след, похожий на запекшуюся кровь. Как только сумерки укутали Черноречье, в богатом тереме на холме со скрипом закрылись ставни. Мужчина задвинул железный засов, трижды проверил замки и, тяжело дыша, опустился на лавку.

Внутри него всё горело. То душное, липкое вожделение, что годами гнало его к реке в купальские ночи, сменилось диким, первобытным страхом. Связанные красной нитью коралловые обереги, рассыпанные Богданом по деревне на рассвете, начали ткать свою невидимую сеть, медленно сжимая петлю вокруг разума убийцы.

Он попытался налить себе хмельного мёда, но кувшин выскользнул из дрожащих пальцев. Мужчина застыл, не смея пошевелиться. Ему почудилось мерное шуршание камыша прямо под половицами.

Щёлк. Щёлк.

Звук разорванных бус отозвался в его ушах, ровно удары погребального колокола.

Он поднял глаза на бревенчатую стену и в ужасе отпрянул. Из сухих щелей между бревнами, вытесняя запах смолы и мха, начала сочиться тёмная, маслянистая речная вода. Она текла тонкими струйками, пахнущая гнилой тиной и болотным холодом.

Мужчина обернулся в темноту угла, надеясь, что это лишь обман зрения. Но из чёрных теней терема на него уставились прозрачные, мёртвые глаза без зрачков. Из одного угла смотрело лицо черноволосой Настасьи, из другого — Степаниды, но стоило ему вглядеться, как их черты искажались, бледнели, истончались туманом и оборачивались лицом Млады. Покойная красавица Млада скалила острые, жуткие зубы в беззвучном, торжествующем хохоте.

— Прочь... Прочь из моего дома! — безумно захрипел мужчина, хватаясь за голову.

Стены давили на него. Леденящий речной туман заполнил горло, не давая вздохнуть. Не помня себя от наваждения, он рванул засов, выскочил на крыльцо и бросился прочь, в ночную прохладу деревенских улиц.

Прохладный воздух немного протрезвил его воспалённый мозг. Мужчина долго бродил кругами по тёмным закоулкам Черноречья, жадно глотая ртом ночную свежесть. Постепенно жуткие призраки начали отступать. Стены больше не плакали водой, и в камышах не слышался хохот утопленницы.

«Просто морок купальский... Переутомился с этой проклятой помощью, свадьбой кузнеца»,— успокаивал он себя, обтирая пот со лба.

Вдруг впереди, в неверном лунном свете, он заметил хрупкий силуэт девицы. Одна из деревенских девок, задержавшись у подруг, поспешно возвращалась домой, пугливо озираясь на тени.

В ту же секунду внутри мужчины проснулось манящее, чёрное, звериное. Страх отступил перед дикой жаждой подчинить, взять своё, растоптать чужую чистоту, чтобы снова доказать самому себе, что он здесь хозяин. Зверь в его душе сорвался с цепи.

Бесшумной, хищной тенью он заскользил следом за ней. Девушка свернула на тропку, ведущую пониже, ближе к камышам. Мужчина догнал её в три шага. Его сильные, грубые руки с ходу скрутили хрупкое тело. Тяжёлая, жесткая ладонь намертво запечатала девичий рот, обрывая испуганный вскрик. Словно скотину на убой, он яростно потащил брыкающуюся, извивающуюся жертву сквозь колючую осоку прямо к реке.

Девушка отчаянно боролась за жизнь. Она мычала сквозь его пальцы, била его пятками по голеням, царапала руки. Мужчина с силой повалил её навзничь на мокрую береговую жижу,

нависая сверху всей своей грузной массой. Он занёс руку, чтобы ударить её и подчинить своей воле.

Но стоило лунному лучу пробиться сквозь тучи и осветить лицо жертвы, как мужчина оцепенел.

Вместо испуганных глаз деревенской девки на него в упор смотрела Млада. Её чёрная коса до пят змеями расплылась по грязи, а прозрачные, белые глаза светились мертвенным светом. В его голове оглушительным эхом взорвалось воспоминание семилетней давности: точно так же Млада извивалась под ним, точно так же царапала его лицо и кричала, захлебываясь слезами:

«Всё общине расскажу! Жениху моему расскажу! Узнают люди, какое ты чудовище!»

В эту секунду в его воспаленном мозгу не осталось места похоти. Вскипел лишь один слепой, животный страх разоблачения. В голове шумело, перепонки лопались от набатного крика:

«Она знает! Она расскажет! Она видела моё лицо!»

Забыв, что перед ним лишь морок или другая живая девка, мужчина судорожно перехватил руки и мёртвой хваткой вцепился в девичье горло. Он стал яростно, безумно душить её, вдавливая шею в береговой ил. Девица под ним хрипела, её пальцы судорожно скребли его ладони, ноги в последний раз дернулись и затихли, вытягиваясь в осоке.

И в этот самый миг, едва дыхание жертвы прервалось, гладь Чёрного омута рядом с мостками с гулом вскипела. Из ледяной воды по пояс поднялась величественная и страшная Млада. Её мокрые чёрные волосы развевались в тумане, а бледные руки потянулись к берегу.

— *Отпусти её...* — пробулькал её жуткий, нечеловеческий голос, от которого камыши пригнулись к самой земле. — *Река заждалась... Река ждёт тебя. Пойдем со мной...*

Мужчина дико вскрикнул, роняя руки. От страшного потустороннего голоса у него перехватило дыхание. Он в ужасе отшатнулся от бездыханного тела на песке, едва не упав в воду, развернулся и, не помня себя от безумия, сломя голову помчался прочь от реки. Он бежал через кусты, раздирая одежду и лицо в кровь, не оборачиваясь и сходя с ума от леденящего шепота, который летел ему в спину.

Влетев в свой терем, он с грохотом закрыл дверь, забился на самую верхотуру печи, свернувшись калачиком под тулупом, и задрожал всем телом. Камни на девичьих грудях по всей деревне продолжали остывать, а чудовище Черноречья, забившись в угол, в смертном ужасе дожидалось первого спасительного луча рассвета.

Утро ворвалось в Черноречье не с пением птиц, а со скрежетом сорванных засовов и истошными, испуганными криками. Солнце едва успело оторваться от горизонта, окрасив прибрежный туман в бледный, желтушный цвет, когда к дому старосты сбежалась едва ли не половина деревни. В массивную дубовую дверь терема забарабанили сразу десятком кулаков, срывая голоса от паники.

— Ратибор Степанович! Беда, Ратибор Степанович! Проснись, благодетель, река снова дань взяла!

На крыльце толпились мужики с баграми, бабы с заплаканными глазами и перепуганные старейшины общины. Впереди всех стоял бледный, задыхающийся от бега мельник.

— Что стряслось? Чего шумите спозаранку? — хмуро, пытаясь придать голосу прежнюю степенную властность, спросил Ратибор.

— Пропала, Ратибор Степанович! Настасья, дочка вдовы Марфы, ночью домой не воротилась! — закричал мельник, всплеснув руками. — Да только в этот раз не бесследно, как прошлые девки! Мужики на рассвете к Чёрному омуту пошли скотину поить, а там… Ил на берегу весь перепахан, камыши поломаны, видно, сопротивлялась бедняжка, боролась из последних сил с нечистью!

— И буса её, коралловая, прямо на затоптанном песке найдена! — выкрикнул из толпы молодой парень, протягивая вперед дрожащую руку. На его ладони лежала круглая, ярко-алая бусина. — Точно русалка утащила! Млада это, больше некому!

Ратибор взглянул на алую бусину, и внутри него все заледенело. Его передернуло, но он быстро справился с лицом. Шагнув на крыльцо, староста плотно прикрыл за собой тяжелую дубовую дверь, отрезая людям путь в свой дом.

Он обвёл притихшую, ждущую его слова толпу тяжёлым, суровым взглядом. Напустив на себя маску глубокой, праведной скорби, Ратибор тяжело вздохнул и громово произнес:

— Ну? Что я вам говорил вчера? А? — голос его налился ядовитой силой, бьющей прямо по напуганным душам крестьян. — Предупреждал ведь, православные! Перед всей общиной на площади стоял, к разуму вашему взывал! Говорил, что свадьба эта проклятая, кузнецом затеянная, к большой беде приведёт! Река меченая, Любаву из омута вырвали — вот Млада и рассвирепела, пришла за новой душой, чтобы своё вернуть! Не слушали вы меня, старого, законы предков ради девки-молчальницы топтать вздумали! Вот теперь и собирайте кровавую жатву!

Толпа в ужасе зашумела. Бабы начали истошно причитать, мужики угрюмо опустили головы. Никто из них, глядя на степенного, авторитетного старосту, и помыслить не мог, что Настасья этой ночью не была утянута русалкой.

Глава 13

Суд у Черного омута

Днем в Черноречье все словно забывалось. Солнце поднялось высоко, заливая площадь ярким, обманчиво мирным светом, и крестьяне упрямо возвращались к своим повседневным заботам. Мужики чинили телеги, бабы полоскали белье, но прежнего покоя в деревне не было. Люди то и дело сбивались в кучки, испуганно шушукались за углами амбаров и косились на избу Степана. Мужчины, вооружившись баграми и тяжелыми шестами, по приказу старосты прочесывали прибрежные заросли и Черный бор, надеясь отыскать хоть какой-то след пропавшей Настасьи, но река и лес хранили молчание.

Как только смерклось, знойный день уступил место тяжелым, душным сумеркам. Густой, серый туман выполз из Черного омута, укутывая камыши сырым холодным саваном.

В этой темноте к реке, крадучись, направился мужчина. Весь день он искусно запутывал следы, громче всех сокрушался на площади и раздавал приказы поисковым отрядам. Но сейчас, под покровом ночи, им двигал один лишь безумный страх. Ему нужно было во что бы то ни стало избавиться от бездыханного тела Настасьи, спрятанного в густой осоке, пока мужики с баграми не наткнулись на улику.

Он пробирался сквозь хрустящие, мокрые от росы стебли, пахнущие гнилой тиной и болотным холодом. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что на берегу никого нет, мужчина нагнулся к примятой траве.

Вдруг в паре шагов от себя, прямо посреди клубящегося тумана, он заметил силуэт.

Мужчина замер, и сердце его бешено заколотилось в ребра. В неверном, бледном лунном свете стояла Любава. На ней была лишь простая белая сорочка, а длинные медовые волосы развивались на холодном речном ветру, облепляя бледные плечи. Она была босая, ступни утопали в черном прибрежном иле. Девушка смотрела на него в упор своими огромными, потемневшими от гнева глазами, но не шевелилась, не пыталась бежать и не кричала. Она казалась каменным, застывшим изваянием, восставшим прямо из речной глубины.

Любава медленно, со страшным спокойствием подняла бледную руку и указала тонким указательным пальцем прямо в лицо убийце. На ее груди, скрытые под сорочкой, леденящим пламенем горели коралловые бусы. В тишине ночи она тихо, протяжно запела песню-призыв, и ее голос зашуршал в камышах, точно сухой ветер:

— Черный омут, открой мне врата...— Покажи мне, что тайною скрыто...

Мужчина испугался. Разум его, и без того источенный ночными кошмарами, окончательно надломился. Но он не ринулся убегать, бросив тело Настасьи в траве. В его воспаленном мозгу вскипела яростная жестокость: ему не нужны были свидетели. Эта чудная молчальница видела его, она знала его тайну и должна была замолчать навсегда, вслед за остальными.

С диким, утробным рычанием он бросился вперед, намереваясь схватить Любаву за горло и столкнуть в воду. Тяжелые сапоги глубоко увязали в грязи, осока ломалась под его весом.

Но он не дошел до нее всего пару шагов.

В ту секунду, когда его грубые пальцы уже готовы были впиться в белую ткань сорочки, туман вокруг Любавы бешено закружился. Белый силуэт молчальницы соткался, побледнел и растаял, а вместо нее перед мужчиной выросла Млада.

У нее были длинные, черные как смоль мокрые волосы, тяжело падающие до самых пят, и абсолютно белые, прозрачные глаза без зрачков, светившиеся потусторонним, карающим светом. На ее мертвых губах застыла жуткая улыбка, обнажившая острые зубы. Млада протянула к нему свои бледные, полупрозрачные руки, и ее леденящий, рокочущий шепот зазвучал прямо в его голове, заглушая все мысли:

— *Река тебя ждет...*— шептал мертвый дух, и от этого звука вода в омуте закипела тяжелыми пузырями. — *Пойдем со мной. Твое время вышло...*

Мужчина застыл, парализованный ужасом, не в силах сделать больше ни шага назад, ни шага вперед.

Все же, собрав в кулак остатки треснувшего по швам рассудка, мужчина заставил себя сделать шаг назад, затем другой, едва не оступаясь в топкую жижу. Его пальцы, испачканные прибрежной гнилью и чужой кровью, судорожно задергались — он принялся неистово креститься, лепеча побелевшими губами путаные заговоры и проклятия, умоляя, чтобы сгинула, растворилась в тумане проклятая нечисть. На мгновение закрыв глаза от дикого страха, он снова распахнул их и, не помня себя, ринулся бежать со всех ног прочь от Черного омута. Ирод несся сквозь ночную глушь напролом, не разбирая дороги, с треском раздирая шею, лицо и руки об острые колючие ветки прибрежного ракитника, но не смея обернуться на леденящий шелест камышей.

Любава так и осталась стоять на старом полусгнившем мосточке. Белая сорочка ее промокла от тумана, а волосы развивались на холодном речном ветру. Морок ушел, и ей стало невыносимо страшно. Одиночество у Черного омута больше не приносило ей прежнего покоя. Все тело девицы била крупная судорожная дрожь — от могильной сырости, от близости чудовища во плоти и от тяжести чужого проклятия. Она медленно обернулась к черной зеркальной глади воды.

Дух Млады уже бесшумно, без единого всплеска погружался обратно в прожорливую глубину омута. Ее черные, как вороново крыло, волосы шлейфом расплывались по воде, а прозрачные белые глаза в последний раз блеснули в тумане. Млада уходила на дно, оставив прямо на мокрых досках мосточка, у самых ног Любавы, свежую речную кувшинку.

— *Отнеси ее к нему в дом...*— тихим, булькающим эхом зашуршал в головах влюбленных угасающий голос русалки. — *Время на исходе. Завтра рассвет все рассудит.*

Глава 14

Свадебный пир на крови

День свадьбы Черноречье встретило душным, давящим зноем. Солнце палило нещадно, словно выжигая последние остатки утренней росы с придорожной пыли. Деревня гудела, точно растревоженный улей: мужики и бабы тащили к площади тяжелые лавки, крытые расшитыми скатертями, расставляли глиняные кувшины с хмельным медом и пироги. Но за этим праздничным шумом скрывался страх. Община, ведомая речами старосты, косилась на избу Степана с нарастающей злобой. Законы предков обязывали их справить свадьбу первого кузнеца, но радоваться никто не спешил.

Богдан стоял посреди своего двора, подставив лицо горячему ветру. На нем была нарядная угольно-черная рубаха, расшитая по вороту сложным багряным узором, и праздничные поршни. Внешне он казался спокойным и статным, но внутри у парня все ходило ходуном от непрекращающегося волнения. Ему до безумия не терпелось поскорее забрать свою молчальницу под родную тесовую крышу, отгородить от всей деревни, заботиться о ней, укрывать от косых людских взглядов и просто каждую ночь чувствовать ее ровное дыхание рядом.

«Пусть только обряд свершится, — упрямо думал кузнец, сжимая кулаки. — Запру двери, и ни одна живая душа, ни одна речная нечисть к ней больше не прикоснется».

В это же время в своей светлице Любава переживала не меньше. Дарёна вместе со своей матушкой бережно заплетали ей косу, укладывая вокруг головы праздничный повойник с жемчужными нитями. Белоснежная холщовая рубаха Любавы с обережной вышивкой по подолу сидела идеально, подчеркивая ее хрупкий стан. Под плотной тканью, прямо у самого сердца, покоилась леденящая нить Млады — перед уходом Любава успела спрятать бусы за пазуху.

Девушка смотрела в тусклое зеркальце, и в ее груди ворочалось совершенно незнакомое, пугающее и одновременно сладостное чувство. С самого детства она росла изгоем, дичилась людей и не знала, каково это — кого-то любить. Но сейчас она понимала, что привязалась к Богдану всей своей неприкаянной душой. Любава еще не могла до конца осознать, что же это за сила такая — любовь, и любит ли она его так, как пишут в старинных сказах, но она твердо знала: рядом с кузнецом ей было хорошо. Безопасно, тепло, и впервые в жизни — по-настоящему счастливо.

«Наверное, это и есть любовь, — тихо думала Любава, прижимая ладонь к горящей щеке. — Когда весь мир оскалился, а его рука держит мою так крепко, что страх уходит».

Ближе к полудню честной народ стал шумно собираться на большой площади. Богдан уже стоял у свадебных столов вместе со старейшинами, высматривая невесту среди толпы. Его сердце уходило в пятки от каждого шороха.

Вскоре показалось семейство плотника. Степан шёл впереди, суровый и гордый, за ним семенила заплаканная матушка Дарья. Сама Любава, робея под сотнями чужих глаз, шла чуть позади родителей, низко склонив голову, так что из-за их широких плеч ее праздничный наряд едва можно было разглядеть.

Она сделала шаг по пыльной траве площади, затем другой. Богдан подался вперед, протягивая к ней руку, и Любава подняла на него свои огромные ореховые глаза, готовая сделать последнее усилие и шагнуть к своему суженому. Она даже не успела дойти до него всего пару шагов.

Вдруг над деревней раздался дикий, истошный крик, от которого у всех присутствующих кровь застыла в жилах. Оглушительный бабий рев катился со стороны реки, разрывая праздничную тишину:

— Нашли! Нашли Настасью! Люди добрые, бегите к камышам! Утопленница!

Площадь мгновенно замерла, а затем вскипела безумной паникой. Свадебные столы зашатались, мужики побросали плошки и ринулись наперерез бегущим с берега парням. Впереди всех, задыхаясь от ужаса, бежал молодой охотник Микула. Он расталкивал толпу, держа в трясущихся руках мокрый платок.

— В камышах у Черного омута она лежала! — кричал парень, едва переводя дыхание. — Вся в иле, задохнулась бедняжка, сопротивлялась! Да только гляньте, что у нее на шее было! Русалка след оставила!

Микула с маху бросил на свадебный стол то, что вытащил из воды. Толпа мужиков и баб сгрудилась вокруг, и по площади пронесся страшный, громовой вздох. На чистой скатерти, блестя под полуденным солнцем, покоилась крупная, ярко-алая коралловая бусина на обрыве красной нити.

В ту же секунду круглица Малуша, стоявшая ближе всех, истошно взвизгнула, указывая пальцем прямо на замершую Любаву:

— Да это же ее бусы! Люди православные, вспомните! Я сама видела, как эта блаженная у колодца бусы эти красные перебирала! Это она! Она русалке девок наших отдает, чтобы саму себя от омута откупить! Живых душ ей взамен себя шлет!

— Убийца! — подхватил кто-то из толпы. — Ведьма речная! Из-за нее Настасья сгинула!

Толпа обезумела в одно мгновение. Бабы запричитали, мужики, наливаясь слепой яростью, схватились за колья и топоры, окружая испуганных родителей Любавы. Степан выставил вперед свои руки, закрывая дочь, но крестьяне, ведомые первобытным страхом перед проклятием реки, неумолимо сжимали кольцо вокруг невесты в белом одеянии.

Площадь превратилась в бушующее, обезумевшее море, готовое сожрать Любаву заживо. Разъяренные крестьяне, дыша перегаром и яростью, рванулись вперед, пытаясь схватить девушку за рукава праздничной рубахи и сорвать с ее головы жемчужный повойник.

— Утопить ее надо! Утопить! — истошно завыл мельник Потап, потрясая кулаками. — Отдать ее русалке! Раз вода ее выплюнула, пускай забирает обратно! Отдать!

— Ведьма! Ведьма речная! Из-за нее наши девки на дно идут! — подхватили бабы, толкая Степана и Дарью.

Богдан, обезумев от ужаса за любимую, яростно бросился наперерез толпе. Его кулаки летели направо и налево — он с ходу расталкивал мужиков, за шкирку отшвыривая тех, кто смел протянуть руки к Любаве. Парень закрыл ее своим широким плечом, и его зычный, громовой голос перекрыл бабий ор:

— Одумайтесь, люди православные! Глаза откройте, коль страх вам разум не выжег! — кричал кузнец, тяжело дыша. — Не может она убить! Любава и мухи за свою жизнь не обидела, вы же ее с пеленок знаете! Чье ухо ее худое слово слышало? Чья рука от нее зло видела?

Но толпа, ослепленная общим горем и страхом перед Черным омутом, уже не желала слушать голос разума. Мужики набычились, плотнее сжимая кольцо и выставляя вперед березовые колья.

— Коль сам сгинуть не хочешь, кузнец, так отойди! — рявкнул из толпы Микула. — Отдай нам ее, не то и тебя вслед за ней в омут скинем! Нечего ведьму выгораживать!

Дарёна, стоявшая чуть поодаль у стены амбара, закрыла лицо руками и горько, навзрыд разрыдалась. Ее девичье сердце разрывалось от боли: под ее собственной рубахой, прямо у сердца, колыхался тот самый алый коралл на красной нити, и она твердо знала, что Любава чиста. Знала, что истинное чудовище ходит по земле ногами в мужском обличии. Но страх сковал ее горло ледяными тисками — Дарёна до судорог боялась, что если сейчас откроет рот, община оскалится и на нее, объявит пособницей ведьмы и изведет со свету всю ее семью.

В этот самый момент, когда мужики уже готовы были смять Богдана, над площадью раздался грозный, властный голос старосты. Ратибор вышел вперед, заставив толпу испуганно притихнуть. Выглядел он скверно: лицо серое, под глазами залегли черные тени, а ворот его

нарядной кафтаны-рубахи был застегнут под самым подбородком. Он то и дело судорожно покашливал, нервно потирая скрытую плотной тканью шею. По его утренним рассказам вся деревня знала, что он якобы всю ночь напролет сам лично искал Настасью по Черному бору.

— А ну утихомирьтесь, православные! — рявкнул Ратибор, обводя площадь тяжелым взглядом. Стоило Любаве взглянуть на него, как оставшиеся бусы на ее груди раскалились до нестерпимой боли. — Суд вершить без моего слова не сметь! Доказательств прямых, что это Любава девок топит, у нас пока нет. Одна бусина — еще не приговор.

Крестьяне недовольно зароптали, но староста властно поднял руку:

— Запрем её в старой, заброшенной избе на самой окраине, у леса! — вынес он решение, и в его глазах промелькнул хищный блеск. — Посадим под замок на три дня. И посмотрим — она это или нет. Коль за эти дни река успокоится, значит, Любава виновна, и мы отдадим ее Черному омуту по закону предков. А свадьба... Свадьба отменяется!

Прежде чем Богдан успел сделать хотя бы вздох, Ратибор грузно шагнул вперед, с силой оттолкнул опешившего Степана и грубо схватил Любаву за тонкое запястье. Железная хватка убийцы потащила бледную, застывшую от ужаса девушку через площадь в сторону покосившейся избушки-пятистенки, стоявшей у самого Черного бора.

— Любава!! Не отдам! Пустите! — громко, сорвав голос в хрип, закричал Богдан, бросаясь следом за ними.

Но добежать ему не дали. Сразу семеро крепких деревенских парней, подстрекаемые старейшинами, сзади навалились на кузнеца всей своей массой. Богдан отчаянно боролся: он ревел ровно раненый медведь, вырывался, швырял мужиков о землю, выдирая рукава рубахи. Он боролся за нее, за свою любовь, за право уберечь ее от беды, но силы были слишком не равны против обезумевшей, навалившейся скопом толпы. Парни с маху повалили его на сухую вытоптанную траву площади, прижимая его плечи и руки к земле.

Любава обернулась сквозь слезы, сквозь летящую из-под сапог пыль, и встретилась взглядом с Богданом. Она видела, как он бьется в грязи ради нее, а рука старосты Ратибора так и тащила ее к заброшенной избе.

Глава 15

Осколки алой нити

Заброшенная изба на самой окраине Черноречья, у кромки Черного бора, встретила их могильным холодом и густым, удушливым запахом гниющего дерева. Годами в этом доме никто не жил — после того как прежняя хозяйка, старая знахарка, сгинула в лесу, крестьяне обходили двор стороной. Единственное крошечное оконце было заколочено потемневшими от дождей тесовыми досками, сквозь щели которых едва пробивались узкие, пыльные полоски полуденного света. Потолок провис под тяжестью времени, с балок свисала серая паутина, а в углу стояла развалившаяся, покрытая плесенью глинобитная печь. Под ногами хрустел сухой мох, мышиный помет и труха от рассохшихся половиц.

Ратибор с силой распахнул скрипящую дверь и грубо, точно мешок с зерном, швырнул Любаву внутрь. Девушка не удержалась на ногах и рухнула на колени прямо на грязный пол, больно ободрав ладони о занозистые доски. Староста шагнул следом и с глухим стуком прикрыл за собой дверь, приглушая крики с площади.

В полумраке избы Ратибор казался огромным, чудовищным зверем, загнавшим добычу в капкан. Его грудь тяжело вздымалась, от него разило кислым мужским потом, дегтем и болотной тиной.

Любава, задыхаясь от слез и боли, попыталась отползти назад, в темный угол к печи. Она отчаянно брыкалась, упираясь пятками в половицы, когда староста шагнул к ней, нависая сверху. По ее бледным щекам катились крупные, горячие слезы, путаясь в выбившихся из праздничного повойника прядях.

— Не сойдет тебе это с рук... — тихо, сквозь горькие всхлипы и спазм в горле выговорила Любава, глядя на него снизу вверх полными ужаса и ненависти глазами. — Люди... люди узнают. Она покажет. Не скроешься ты от реки...

Глаза Ратибора налились темной, дурной кровью. Он замахнулся и с размаху дал девушке хлесткую пощечину. Удар оказался такой силы, что голова Любавы мотнулась в сторону, из разбитой губы брызнула алая капля, а в ушах зазвенел противный, высокий звон. Девушка охнула и завалилась на бок, прижимая ладонь к горящей щеке.

От резкого движения ворот ее белоснежной свадебной рубахи растегнулся, обнажив тонкую шею. В узком луче света, пробившемся сквозь заколоченное окно, ярко, кроваво вспыхнули коралловые бусы Млады.

Ратибор замер. Его хищный взгляд прикипел к камням. В одно мгновение вся напускная степенность старосты слетела, обнажая звериное безумие. С диким, утробным рычанием он рванулся вперед, вцепился грубыми пальцами в ожерелье и с треском сорвал его с шеи Любавы, оставив на нежной коже багровый след от нити.

Поднявшись во весь рост, староста зажал обрывок нити с оставшимися кораллами в кулаке и принялся зловеще помахивать ими прямо перед заплаканным лицом девушки. Он запрокинул голову к закопченному потолку и разразился громким, раскатистым, полным торжествующего безумия хохотом, от которого задрожала паутина на балках.

— Она тебе не поможет! — выкрикнул Ратибор, давясь смехом. — Слышишь, дура блаженная?! Мертвая она! Сгнила на дне, кормит раков в Черном омуте! Нет у нее силы против живого хозяина!

Размахнувшись, он с остервенением швырнул бусы о пол. Прогнившая конопляная нить окончательно лопнула. Круглые алые кораллы с костяным стуком брызнули в разные стороны, раскатываясь по пыльным половицам. Одна из бусин, откатившись к самой стене, бесшумно провалилась в глубокую черную щель между рассохшимися досками.

Обезумевший староста, тяжело сопя, принялся яростно топтать оставшиеся на виду кораллы тяжелым, подбитым железом каблуком сапога, вбивая их в грязь и труху, словно пытаясь раздавить саму душу Млады.

— Не поможет! — прорычал он, глядя на съежившуюся у печи Любаву перекошенным от злобы лицом. — Никто не узнает правды! Вся деревня верит мне, а тебя, ведьму, завтра же сами мужики камнями забьют! А ты... сгниешь, как и она, на дне реки!

Тяжело дыша, он поправил кафтан, развернулся и вышел из избы, с грохотом захлопнув дверь. Снаружи звякнул железный засов, запирая Любаву в темной, душной могиле. Девушка осталась одна в кромешной темноте, чувствуя во рту соленый вкус собственной крови и глядя туда, где в узкой щели пола, словно живой, недремлющий глаз русалки, тускло мерцала уцелевшая алая бусина.

На площади перед свадебными столами все еще гудела напуганная, растревоженная толпа. Когда Ратибор тяжелой, властной походкой вернулся от опушки леса, гомон мгновенно стих. Люди расступались, заглядывая ему в лицо с ожиданием и суеверным трепетом. Староста оправил кафтан, скрывая порванный рукав, и обвел общину холодным, торжествующим взглядом.

— Ведьма в заперти, — зычно и твердо объявил он, так что его голос эхом отразился от бревенчатых стен амбаров. — Засов задвинул, до самого рассвета из старой избы никуда не выскользнет.

Толпа облегченно выдохнула, бабы принялись истошно креститься. Но староста не закончил. Он медленно повернулся к тому месту, где семеро дюжих мужиков все еще держали прижатым к вытоптанной земле Богдана. Кузнец тяжело хрипел, его черная праздничная рубаха была изорвана в клочья, а из разбитой брови по щеке стекала тонкая струйка крови.

Ратибор брезгливо скривил губы и грубо ткнул в сторону парня пальцем, на котором зловеще блеснул золотой перстень с багровым камнем.

— А этого — запереть в старой сарайке со свиньями! — жестко приказал староста. — Пускай посидит в навозе до вынесения приговора, остудит горячую голову. А коли завтра на кругу узнаем, что и он как-то связан с ее колдовством, что помогал ей девок в омут заманивать — с ней же рядом и похороним! В одном безымянном рву!

Он говорил это так уверенно, так завороженно и весомо, с такой непоколебимой правотой хозяина земли, что люди безропотно и тут же ему подчинились. Никто не усомнился в его словах. Репутация Ратибора в Черноречье была идеальной — годами он строил себе имя справедливого, строгого, но честного отца общины. В глазах ослепленных страхом крестьян староста сейчас спасал их дочерей от неминуемой гибели.

— Ведите его! — рявкнул мельник Потап.

Десяток грубых рук скрутили Богдану локти, заламывая их за спину. Парня рывком подняли с земли и потащили через площадь к покосившемуся, воняющему навозом свинарнику на краю скотного двора.

Богдан отчаянно упирался ногами в землю, пытаясь вырваться. Его горящие, полные отчаяния и ярости глаза искали в толпе хоть одно трезвое лицо.

— Опомнитесь, мужики! — кричал он, срывая голос до хрипа, пока его волокли по пыли. — Откройте глаза, люди добрые! Не берите грех на душу! Не в ту сторону смотрите, зверь-то среди нас ходит, а вы невинную девку губите! Очнитесь, проклянете себя потом!

Но крики его тонули в враждебном ропоте толпы. Тяжелая деревянная дверь свинарника с визгом распахнулась, Богдана грубо швырнули внутрь прямо в сырую солому и грязь, и снаружи с грохотом упал толстый дубовый брус засова.

Свадьба обернулась пленом, а праздничная площадь опустела. Черноречье затаилось в ожидании страшного утра.

Глава 16

Ночной побег и нечистый лаз

Ночь опустилась на Черноречье тяжелая, безлунная и душная, словно само небо нависло над избами черным чугунным котлом, готовясь обрушить на землю грозу. Деревня погрузилась в тревожную дрему — за запертыми ставнями крестьяне ворочались на перинках, шептали молитвы и с опаской прислушивались к далекому шуму ветра в вершинах Черного бора.

Не спала в эту ночь и Дарёна.

Она лежала в своей светелке под лоскутным одеялом, широко распахнув глаза в темноту. В горле стоял сухой, колючий ком от невыплаканных слез. Перед глазами неотступно стояло лицо Любавы и отчаянный взгляд Богдана, которого скрученного волокли в навозную жижу. Совесть жгла девушку огнем. Но страшнее совести была бусина, висевшая на красной нити под ее рубахой.

Стоило полуночи перевалить через порог, как маленький алый камень ожил. Он словно налился ледяным, пульсирующим весом, больно ударяя в грудь при каждом вздохе. От бусины волнами расходился речной холод, а в ушах Дарёны зазвучал тихий, настойчивый шепот, похожий на шуршание камыша под водой. Камень словно тянул ее за собой невидимой нитью, звал куда-то в ночь, требуя искупить дневную трусость.

Дарёна поняла: если она сейчас не встанет, если не пойдет наперекор страху, то до самого рассвета сойдет с ума от этого зова, а наутро община погубит двух безвинных людей.

Девушка бесшумно откинула одеяло. Босые ноги коснулись прохладных половиц. Стараясь не скрипнуть ни одной доской и не разбудить чутко спящих в горнице родителей, Дарёна на ощупь натянула темный будничный сарафан, сунула ноги в старые мягкие поршни и плотно укутала голову и плечи в большую шерстяную шаль, чтобы слиться с ночной тенью. Задержав дыхание, она осторожно приподняла щеколду сенной двери и тенью выскользнула во двор.

Ночной воздух пах росой, пылью и приближающимся дождем. Дарёна не пошла по главной улице, где в любой момент мог окликнуть дозорный. Пригнувшись к самой земле, она побежала огородами — через заросли колючего лопуха, грядки с капустой и густые кусты смородины. Она выбирала самые глухие, заросшие межи, обходя стороной дворы, где спали злые цепные псы, способные своим лаем поднять на ноги всю деревню. Сердце колотилось в самом горле, царапая ребра, но алая бусина на груди словно вела ее за руку, подсказывая каждый верный шаг.

Добежав до самой окраины, туда, где начинался темный ельник и стояла покосившаяся изба ведьмы-знахарки, Дарёна замерла за стволом старой березы. Впереди тускло мерцал огонек. Девушка осторожно выглянула из-за дерева и тихонько ахнула, зажав рот ладонью.

На крыльце заброшенной избы, привалившись спинами к бревенчатой стене, сидели двое деревенских парней — плечистый Микула и сын мельника. В руках у них блестели железные багры, а рядом на земле чадил самодельный факел. Они сторожили «ведьму». Подойти ближе не было никакой возможности: стоило бы хрустнуть хоть одной ветке под ногой Дарёны, как парни тут же вскочили бы, скрутили ее и сдали старосте как пособницу.

Дарёна отпрянула назад в тень деревьев. *«Не пройти... К Любаве не пробиться. Только Богдан сможет их раскидать!»*— пронеслось в ее голове.

Подобрав подол сарафана, девушка бесшумно развернулась и, снова прячась в кустах и оврагах, опрометью побежала в другой конец деревни — в сторону скотного двора и старых свинарников.

Однако у главных ворот хлева ее ждала та же беда. Около тяжелого дубового засова, которым заперли кузнеца, топтались еще двое мужиков с дубинами, тихо переговариваясь и поглядывая на черное небо. Ратибор предусмотрел все — ни мышь не проскочит к пленникам.

Дарёна закусила губу до крови, озираясь по сторонам в поисках лазейки. Взгляд ее упал на заднюю стену свинарника, выходившую прямо в заросший крапивой пустырь. Там, высоко под самой крышей, темнело небольшое квадратное окно, через которое мужики обычно выбрасывали из хлева навоз и грязную солому. Прямо под этим окном громоздилась высокая, влажная куча свежего навоза, от которой в ночной сырости шел тяжелый, удушливый пар.

Девушка поморщилась, но раздумывать было некогда — каждая минута приближала рассвет. Осторожно, стараясь не шуметь, она обошла хлев с тыльной стороны. Зажав нос краем шерстяной шали, Дарёна пересилила брезгливость и ступила ногами прямо в вязкую, теплую навозную жижу. Поршни с тихим чавканьем увязли по щиколотку. С трудом выдергивая ноги из нечистот, она вскарабкалась на самый верх кучи, оказавшись вровень с темным проемом окна.

Деревянная створка была прикрыта снаружи на простую деревянную вертушку. Дарёна осторожно, стараясь не скрипнуть ржавыми петлями, повернула щеколду и приоткрыла окно внутрь. Из темного чрева сарайки пахнуло сыростью, прелым сеном и хрюканьем сонных свиней.

Девушка просунула голову в проем и, напрягая зрение в кромешной темноте, тихо, но отчетливо прошептала:

— Богдан... Богдан, проснись! Слышишь меня?

В дальнем углу хлева послышался тяжелый вздох, зашуршала солома, и в темноте мелькнула широкая темная фигура. Кузнец не спал — всю ночь он рвался из этого вонючего плена, сдирая пальцы в кровь о дубовые бревна двери. Услышав шепот, он мгновенно подскочил к стене под окном.

— Дарёна?! — хрипло, с недоверием выдохнул Богдан, вглядываясь в очертания девичьего лица. — Ты как здесь оказалась? А сторожа?

— Тише ты, услышат! — зашипела девушка, испуганно оглядываясь на угол сарая, откуда доносилось сонное бормотание мужиков. — У дверей двое с дубинами стоят, и у избы Любавы двое с баграми сидят. Через дверь не выйти, кузнец. Придется вылазить здесь, через навозное окно, пока не рассвело. Давай руку, я подсоблю, а там в овраг и к омуту бежать надо — староста на рассвете Любаву сгубить задумал!

Богдан не стал тратить драгоценные секунды на гордость или брезгливость. Ради спасения Любавы он готов был лезть хоть в пекло, хоть в самую черную грязь. Подтянувшись на своих сильных, налитых яростью руках, кузнец ухватился за край оконной рамы, с трудом протиснул плечи в узкий деревянный проем и, оперевшись о протянутую руку Дарёны, бесшумно соскользнул наружу прямо в навозную кучу.

Выбравшись из душного чрева хлева, Богдан и Дарёна замерли в густой тени крапивы. От обоих несло так, что хоть святых выноси — вязкий, едкий запах навоза и прелой соломы въелся в одежду. Но думать о грязи было некогда.

Дарёна схватила кузнеца за рукав, притягивая к себе и лихорадочно шепча прямо в ухо:

— Не выйдет сейчас сразу напролом, Богдан! Двое у дверей сидят с баграми. Кинешься на них — такой шум поднимут, что вся деревня сбежится раньше, чем мы засов сдвинем. Надо либо рассвета ждать, когда караул сменится, либо выманить хоть одного в сторону.

Богдан лишь рыкнул в ответ, сжимая кулаки так, что хрустнули костяшки. Ждать до рассвета он не мог — сердце подсказывало, что для Любавы утро может и не наступить.

Они припустили огородами в сторону окраины. Добежав до темного ельника, беглецы укрылись за широкими стволами вековых сосен в паре десятков шагов от ведьминой избы. У крыльца все так же чадил факел, освещая Микулу и сына мельника, лениво перебрасывавшихся словами.

Богдан уже напрягся, готовясь броситься на них, как вдруг Дарёна прижала палец к его губам. В глазах девушки блеснул отчаянный, дерзкий огонек.

— Постарайся управиться быстрее, — едва слышно выдохнула она.

Не дожидаясь ответа, Дарёна наклонилась и стянула с ноги свой грязный, насквозь пропитанный навозом башмак, а следом и второй. Прицелившись из-за дерева, она размахнулась и с силой швырнула первый башмак прямо в голову Микуле.

Шлепок вышел звонким и мокрым. Башмак угодил парню точно в висок, оставив на щеке бурый след, и со стуком упал в траву. Микула вскочил, ошалело моргая и хватаясь за лицо, но не успел он и слова вымолвить, как второй башмак прилетел прямо в грудь его напарнику.

— Что за чертовщина?! — заорал сын мельника, вскидывая багор.

В этот миг Дарёна с тихим, звонким смешком шагнула из-за сосны на свет факела. Она резким движением сбросила с головы шерстяную шаль, распуская чёрные волосы по плечам.

— Не там ищете, мальчики! — весело и дерзко крикнула она, подбоченившись. — Ведьма-то давно улетела, а вы тут пустые стены караулите!

Парни нахмурились, вглядываясь в темноту, а когда узнали девку и почуяли тяжелый дух, идущий от нее, лица их налились дурной злобой.

— Ах ты, пособница окаянная! — рявкнул Микула. — Держи ее!

Оба сторожа, забыв про пост и бросив факел в траву, с руганью ринулись за ней. Дарёна же, вскинув подол сарафана, с пронзительным визгом бросилась бежать по тропе вдоль деревни.

— Люди добрые! Помогите! — кричала она во всю мощь легких, поднимая на ноги спящие избы. — Убивает! Дружина старосты людей губит! Спасайте!

В избах начали зажигаться огни, залаяли собаки, поднималась тревога.

А Богдан, не теряя ни единого мгновения, тенью выскользнул из-за деревьев и в три огромных шага оказался на крыльце ведьминой избы. Его руки вцепились в железный засов. С диким, утробным рычанием кузнец рванул металл на себя, вырывая скобы из трухлявого дерева с оглушительным треском.

Рассохшаяся дверь со стоном распахнулась внутрь, впуская в душный мрак избы свежий ночной воздух. Богдан шагнул через порог и тут же замер как вкопанный, словно налетев на невидимую ледяную стену.

В тусклом свете, едва пробивавшемся в открытый проем, прямо на голом, занозистом полу, свернувшись калачиком, лежала Любава. Ее белая свадебная рубаха испачкалась в серой пыли и мышином помете, а сама девушка мелко, судорожно тряслась от пробирающего до костей холода.

Богдан с выдохом сократил расстояние между ними и снова оцепенел. На нежной, белой скуле его невесты наливался страшный, багровый синяк, а на разбитой, припухшей губе темнела засохшая кровяная полоска.

Внутри кузнеца вскипела такая черная, обжигающая ярость, что в глазах на миг потемнело. Его ладони сжались в каменные кулаки. В эту секунду Богдан был готов голыми руками разыскать старосту и задушить его без всякого суда, вдавив в землю за каждую слезу, пролитую его молчальницей.

Любава, услышав шаги и грохот, в ужасе вздрогнула и сжалась в комок, ожидая нового удара от мучителя. Но, проморгавшись сквозь слезы и завидев склонившегося над ней жениха, она всхлипнула, точно потерявшийся ребенок.

Богдан тут же подскочил к ней, с глухим стуком падая на колени прямо в труху и грязь. Любава приподнялась навстречу и, ничуть не обращая внимания на то, что его праздничная одежда измазана в навозе и от него несет хлевом, обвила его шею руками. Она обняла его так крепко, как только могла, зарывшись лицом в его плечо и судорожно вдыхая родной, спасительный запах живого тепла, костра и железа.

— Живая... Родная моя, живая, — хрипло выдыхал Богдан, бережно, боясь сделать больно, прижимая ее к груди и гладя растрепанные волосы. — Никому не отдам. Слышишь? Ни одна тварь больше пальцем тебя не тронет.

Он поднял ее на руки, чувствуя, какая она легкая и ледяная, и уже собрался вынести из этого проклятого места, но Любава вдруг слабо потянула его за ворот рубахи, указывая дрожащим пальцем в темный угол у стены.

— Там... в щели, — едва слышно прошептала она разбитыми губами. — Бусина... последняя осталась. Он остальные растоптал, а эта уцелела. Возьми ее, Богдан. Без нее Млада не закончит начатое.

Кузнец опустил девушку на ноги, придерживая за талию, наклонился к рассохшимся половицам и подцепил тускло мерцающий в щели алый коралл. Едва камень коснулся его горячей ладони, как по руке пробежал ледяной разряд, а снаружи, со стороны деревни, донеслись нарастающие крики разбуженных людей и звонкий, заливистый голос Дарёны.

Глава 17

Душ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.